

A

189

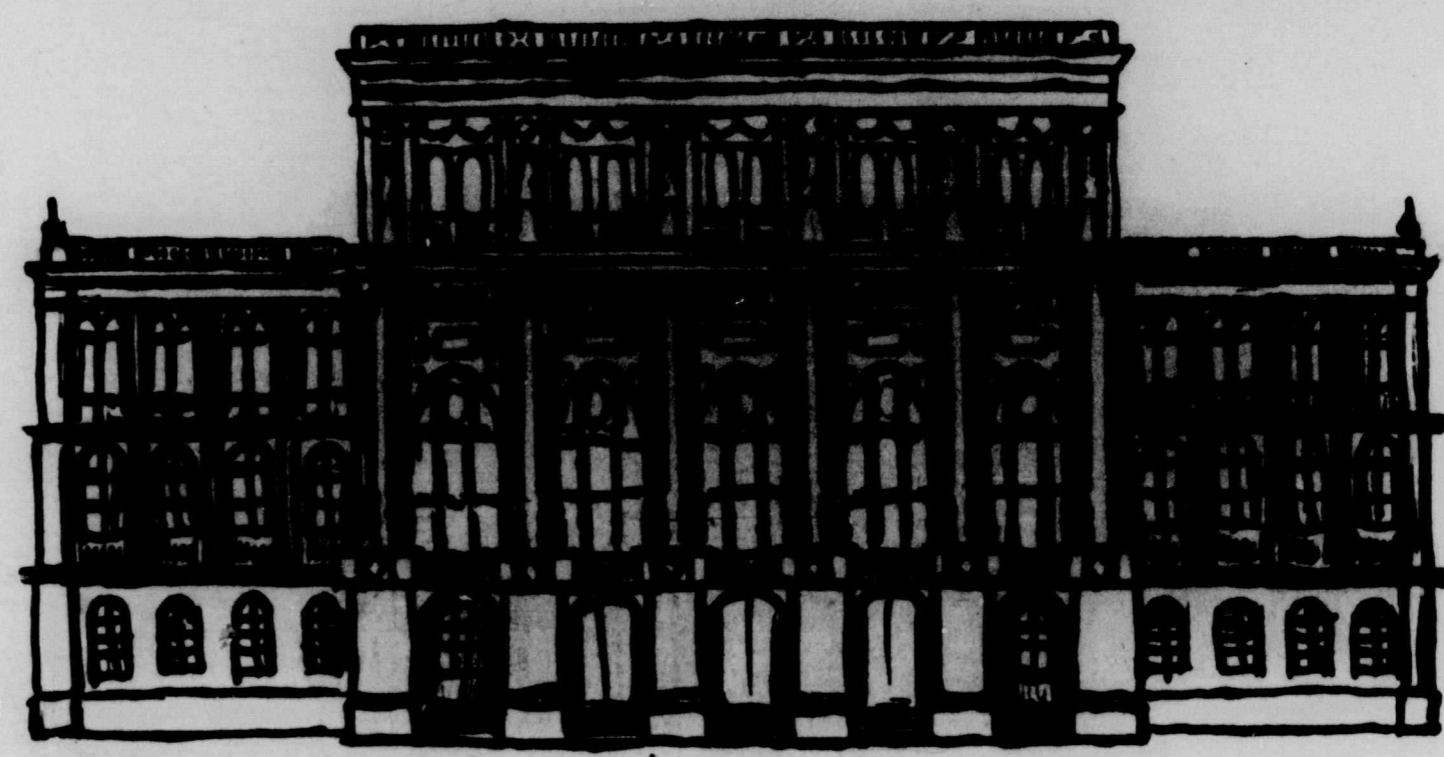
—

IX.

—

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADEMIA KÖNYVTÁRA

MIKROFILMTÁR

* BIBLIOTHECA ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE *

BUDAPEST

1959

F.K.

UMANOV-KAPLUNDVSKIJ, V.V.
BAJAN" PER.: ---. 1. vü p.
PETROGRAD" 1888. 108 p.

/SZLAVJANSZKAJA BIBLIOTEKA.

1./

367

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

БАЯНЪ

СБОРНИКЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

СОВРЕМЕННЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ

И
НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

И. Вазовъ, М. Московъ, Х. Ботевъ, Пэнчо Славейковъ, А. Шеноа, Змай-Ювановичъ, А. Харамбашичъ, Г. Бадаличъ, П. Прерадовичъ, А. Пальмовичъ. — Народныя пѣсни: боснійскія, словацкія, русинскія.

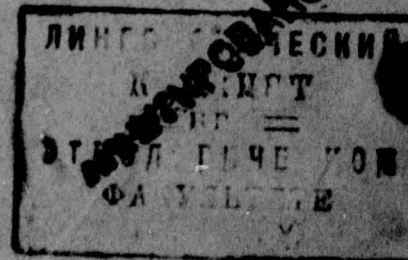
ПЕРЕВОДЪ

В. В. Уманова-Каплуновскаго.

ПЕТРОГРАДЪ.

Изданіе Крунослава Юрьевича Геруца.

1888.

3

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

I

БАЯНЪ.

ПЕРЕВОДЪ

В. В. Уманова-Каплуновскаго

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Н. А. Лебедева.
1888.

09

A 8

2

БАЯНЪ.

СБОРНИКЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

СОВРЕМЕННЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ

И

НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

ПЕРЕВОДЪ

В. В. Уманова-Каплуновскаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издание Крунослава Юрьевича Геруца.
1888.

1 к (оригинал)

2

3

КН

„Пров 49“

ПРОБ. 357

пр.

ру
1
сלב
бас

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 16 апреля 1888 г.

АННУИРОВАНО

498
48

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. Болгарскіе поэты

	Стр.
Иванъ Вазовъ	5
I. Громада	8
II. Памяти Раковского	34
III. Къ оруу	37
IV. Не хочу я злого ликованья	37
V. Въ обкопахъ	38
М. Московъ	39
I. Птичкѣ	40
II. Странникъ птичкѣ	40
Христо Ботевъ	41
I. Хаджій Димитръ	44
II. Элегія	46
Пэнчо Славейковъ	48
I. Страстное сердце, тревожное сердце	48
II. Нынче строгій вѣкъ прогресса	48

Б. Сербско-хорватскіе поэты

Августъ Шеноа	49
I. Смерть Петра Сваичича, послѣдняго короля хорватскаго	50
II. Возрожденной Болгаріи	65
III. Къ туманамъ	58
IV. Три слова	59
Иванъ Змай-Іовановичъ	60
I. Два отрывка изъ поэмы „Увянувшія розы“	62
II. Горемычная мать	63
III. Три гайдука	65
IV. Къ ней	68
V. Сумасшедшій	69

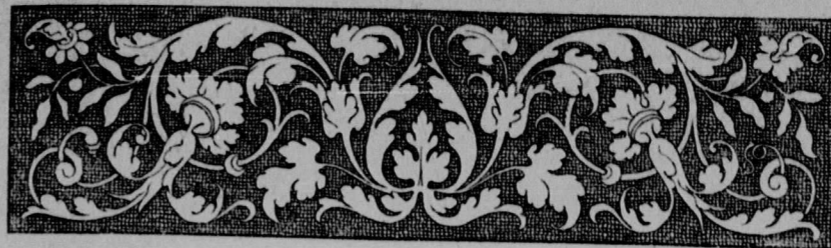
	стр
Августъ Харамбашичъ	73
I. Утѣшеніе	73
II. Есть минуты	74
III. Отвѣтъ критикамъ	75
Гуго Бадаличъ	75
„Panem et circenses“!	76
Петръ Прерадовичъ	78
Змѣя	76
Андрей Пальмовичъ	82
Бальша, зетскій господарь	83

В. Народныя славянскія пѣсни

Пѣсни боснійскихъ мухамеданъ	86
I. Безумная любовь челебѣи Муя	89
II. Несуженая Копчиць-алайбега	96
Пѣсни словацкія	102
1. Долина, долина	102
2. Снилось, снилось миѣ такъ ясно	103
Пѣсни русинскія (угро-галицко-русскія)	104
1. Дома тихо спитъ дѣвчина	105
2. Мать старуха поженила	106
3. Привыкайте черны-очи сами ночевать	106
4. Папъ Савва	106

ОПЕЧАТКИ.

стр.	строка	напечатано	надо
6	14 сверху	(немылы—не любя)	(немылы—нелюбя)
8	1 »	Громада.	Громада ¹⁾ .
—	2 »	Поэма ¹⁾ изъ щопской ²⁾ жизни	Поэма изъ щопской ²⁾ жизни
33	1 снизу	Въ душахъ ихъ исчезнуть.	Въ ихъ душахъ исчезнуть
34	1 сверху	Лира и труба,—	лира и трѣба,—
40	16 »	При видѣ гора и страстей?	При видѣ горестныхъ людей?..
57	9 снизу	благословенъ!	благословленъ!
69	19 сверху	Охъ ты, холодушна,	Охъ ты, холодуничъ,
77	1 снизу	А съ камнями,—гдѣ свѣтлой воли вѣтъ!	А съ камнемъ,—гдѣ свободы свѣтлой вѣтъ!
79	5 »	Ne	Zia

Предисловіе.

Теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь чувствуется у насъ недостатокъ въ переводахъ изъ славянской поэзіи, между тѣмъ какъ муза славянскихъ народовъ растетъ, развивается и съ каждымъ годомъ даетъ намъ все лучшіе и болѣе совершенные образцы своего творчества. Этими соображеніями объясняется появленіе предлагаемыхъ переводовъ, изъ которыхъ часть была напечатана на страницахъ журнала: «Дѣло» *). Здѣсь они помѣщаются, въ исправленномъ видѣ, съ пополненіемъ всѣхъ пропусковъ; затѣмъ, все остальное является въ печати впервые и въ русскомъ переводѣ до сихъ поръ не было извѣстно.

На первый разъ, мною собраны переводы выдающихся произведеній современной хорватско-сербской и болгарской поэзіи, а также народныя пѣсни боснійскія, словацкія и русинскія.

Стремись передавать не букву, а духъ подлинника и, по возможности, размѣръ оригинала и пользуюсь указаніями лицъ, близко стоящихъ къ жизни тѣхъ народовъ, съ литературнымъ достоинствомъ которыхъ я намѣренъ ознакомить родственную имъ Россію, я полагаю, что мой трудъ не окажется бесполезнымъ и поощрять быть можетъ, и другихъ къ продолженію предпринятаго мною дѣла.

С.-Петербургъ.
Апрѣль 1888 г.

В. Умановъ-Каплуновскій.

*) 1886, VII. 1887, VI. 1888, I.

А. Болгарскіе поэты.

I.

Иванъ Вазовъ.

Иванъ Вазовъ родился въ 1851 году, въ Сопотъ, небольшомъ городкѣ у южнаго склона Балканъ. Первоначальное образованіе поэтъ получилъ въ родномъ городѣ, а потомъ въ Пловдивѣ (по старому—въ Филиппополѣ). До 1876 года онъ пробылъ на мѣстѣ родины въ качествѣ народнаго учителя, но вскорѣ долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдованія турокъ за участіе въ возстаніи, вспыхнувшемъ тогда во Фракіи. Освободительная война застала его въ Румыніи, гдѣ онъ находился какъ членъ бухарестскаго революціоннаго общества, формировавшаго партіи добровольцевъ въ Сербію и Болгарію, и здѣсь-то, 10-го мая 1877 года, поднесъ главнокомандующему свое стихотвореніе: «Николай Николаевичъ». Послѣ усилившейся писательской дѣятельности на родинѣ, будучи редакторомъ разныхъ газетъ и періодическихъ изданій, ему пришлось еще разъ покинуть отечество вслѣдствіе терроризма въ Болгаріи и жить въ Россіи эмигрантомъ. Заслуга Вазова, какъ болгарскаго поэта, состоитъ въ томъ, что онъ первый звонировалъ метрико-тоническое стихосложеніе и внесъ въ болгарскую поэзію элементъ чисто народный. До него, исключая произведеній Любена Каравелова и Ботева, всѣ стихотворенія были не что иное, какъ или плохіе переводы (какъ, напр., у Славейкова—отца), или жалкія компіляціи, словомъ—потуги творческаго безсилія.

Между его творениями особенно замѣчательны: «Видуль», «Громада», «Епопея на забравенитѣ» (эпопея объ умершихъ герояхъ—мученикахъ за свободу), «Боръ», «Къ природѣ», «Итальянскія пѣсни» и многія другія въ сборникахъ: «Прѣпорецъ» (знамя), «Гусла» (гусли), «Избавленіе», «Сливница», «Поля и гори» (поля и лѣса) и др. Въ обѣихъ революціонныхъ пѣсняхъ, привѣтствуя славянскаго Царя-Освободителя, поэтъ обращается съ такими стихами къ русскому народу:

«Русія! Та съ земля велика
По брой, по ширъ, по сила, та
Съ небо то имя си прилика
И само съ руската душа!»

Изъ прозаическихъ сочиненій Вазова отмѣтимъ: «Наши чичовци» (наши дяди), «Немили недраги» (немили—не любви), «Единъ кътъ въ Стара Планина» (уголокъ въ Старой Планинѣ), новеллу: «Митрофанъ», въ которой онъ осмѣиваетъ страсть болгаръ во всемъ подражать русскимъ, хотя это исторически вовсе невѣрно: болгары болѣе подражаютъ нѣмцамъ, а русскимъ только въ дурномъ,—что нами заимствовано отъ нѣмцевъ-же.—но ни какъ не въ хорошемъ. Отъ этого-то пропадаетъ вся соль упомянутого разсказа.

Изъ иностранныхъ писателей наибольшее вліяніе оказали на Вазова въ особенности, въ періодъ юности, — Викторъ Гюго, а изъ русскихъ—Пушкинъ и Гоголь. Отсюда его стихи, особенно лирическіе, отличаются граціозностью, а проза—тонкимъ юморомъ.

Въ заключеніе, считаю нелишнимъ, въ отвѣтъ на краткій отзывъ А. Степовича (см. «Извѣстія сѣв. славянскаго благотворительнаго общества, № 4, апрѣль 1887 г.»), сказать нѣсколько словъ въ защиту поэта, по поводу его «Сливницы».

Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ собраніе стихотвореній, относящихся къ сербско-болгарской войнѣ. Г. рецензентъ, очевидно, поверхностно пробѣжавъ «нѣкоторыя хорошенькія произведенія молодой болгарской музы», вынесъ чувство тоски и негодованія на ихъ автора. Онъ порицаетъ поэта за то, что тотъ вмѣсто того, чтобы предать забвенью братоубійственную рѣзню, подноситъ своему народу «кровавый поэтический вѣ-

нокъ» и въ добавокъ, какъ болгарскій поэтъ-патріотъ, еще ликуетъ, сопровождая свои ликованья насмѣшками надъ сербами. Впрочемъ, г. Степовичъ тутъ-же считаетъ долгомъ поправиться: «насмѣшки направлены поэтомъ не столько противъ самого сербскаго народа, сколько противъ его жестокихъ алчныхъ руководителей (Миланъ съ сотоварищами).» На меня чтеніе «Сливницы» произвело совсѣмъ другое впечатлѣніе: здѣсь въ каждой строчкѣ проглядываетъ не ликованье поэта, а горечь о потерянныхъ братьяхъ и братоубійственной войнѣ. Прочтите хоть эту строфу изъ стихотворенія подъ цифрою XII (№ IV переводовъ):

«Не, не щѣ се радвамъ кървожадно:
Скъпи намъ сѣ тезъ побѣдни лаври!
Всяка радость въ мойто сърце страдно
Прави ножътъ повечъ да се завре!»

Или этотъ стихъ изъ того-же стихотворенія:

«Всякой лавръ е триумфъ на гроба!»

Гдѣ тутъ ликованье? Здѣсь горечь, тоска, а не ликованье! А эта заключительная строфа изъ стихотворенія: «Къ орлу».

«О, брата сърби, плача ази!
Умръ великата надежда:
Кървъ, кървъ, сѣ кървъ! Отъ насъ до вази
Патѣка кървава отвѣжда!»

Прелестное стихотвореніе: «Въ окопахъ», которое и г. Степовичъ приводитъ какъ образецъ изящества, также подтверждаетъ, что идея Вазова—не воспыть славу болгарскаго оружія и унижить Сербію, а дать понять, какъ больно для истиннаго патріота видѣть распрю двухъ родственныхъ народовъ. Болѣе нравственнаго вывода, кажется, не зачѣмъ и требовать.

I.
ГРОМАДА,

Поэма ¹⁾ изъ щопской ²⁾ жизни.

(Посвящ. В. И. Петковичу).

Полюбилъ красавецъ Камѣнь
Молодую Цѣну
И стремился постоянно
Къ ней душой своею.
Онъ любилъ не потому, что
Та имѣла много
Ожерельевъ, платьевъ, шитыхъ
Шолкомъ, и монисто;
Что отецъ ея—знатнѣйшій
Въ городѣ начальникъ;
Что назначилъ онъ въ наслѣдство
Денегъ ей безъ мѣры,—
Нѣтъ, любилъ ее за то онъ,
Что подобно небу
Очи дивныя имѣла,
Что имѣла сердце
И умомъ была смышлена.
Въ молодые годы
Человѣку все нетрудно,
Все онъ побѣждаетъ;
Если будетъ онъ работать
Честно, безкорыстно,
То богатымъ станетъ, знатнымъ;
Но любить онъ можетъ
Только разъ, и потому-то
Надо осторожно

¹⁾ По обычаю шоповъ, если кого-нибудь прокливаютъ, выходить за городъ священникъ, вбиваетъ въ землю колы, провозноситъ соответствующее заклинаніе и первый бросаетъ камень; каждый проходящій дѣлаетъ то-же самое и провозноситъ: «да будетъ проклятъ (имя)!» Спустя некоторое время, образуется большая груда камней, которая и называется громадой.

²⁾ Шопы—болгарское племя, живущее въ западной части Болгаріи, въ сѣверной Македоніи и восточной Сербіи. Языкъ шоповъ, за немногими исключеніями, такой-же, какъ у прочихъ болгаръ.

Избирать себѣ невѣсту,
Чтобы жить съ ней дружно.

* * *

Цѣна въ женихи избрала
Камѣна молодого
И сняла ему цвѣточекъ
Со своей головки ¹⁾.
Вотъ они на вечеринкахъ
Вмѣстѣ ужъ бывають
И по праздникамъ танцуютъ
Рядомъ въ хороводѣ;
А когда она съ восходомъ
Иль съ заходомъ солнца
За водой идетъ студеной,—
Дождаетъ Камѣнь,
Чтобъ напиться изъ кувшина
Дорогой невѣсты,
И дрожить, прощаясь съ нею,
Отъ любви сторасть.
Даже издали по звону
Котликовъ ²⁾, по смѣху
Или крику, по походкѣ
Онъ ее узнаеть.

* * *

Кто изъ смертныхъ въ этой жизни
Незнакомъ съ любовью!
Сердце чье въ груди не билось
Отъ мученій страсти!
Горе, радость, все приходитъ
Въ часъ любви желанный.
Въ это время даже шорохъ
Душу намъ смущаетъ;
Вѣтерокъ едва замѣтныи,
Тихій шелестъ листьевъ,
Насѣкомаго движеніе—
Трепетать заставятъ.

* * *

¹⁾ Обычай молодыхъ давать тому, къ кому благоволишь, цвѣточекъ съ головы.

²⁾ Особый родъ ведеръ.

Время шло для нихъ въ забавахъ
И въ любовныхъ вздохахъ.
Утромъ, вечеромъ бывали
Вмѣстѣ, даже ночью
Видѣли во снѣ другъ друга
Нѣтъ, они не знали
И не вѣрили тому, что
Есть на свѣтѣ горе
И что скоро рокъ ужасный
Рушить ихъ надежды.

* * *

Да, отецъ у Цэны, Цэко,
И богатъ и знатенъ;
Онъ до трехъ имѣетъ тысячъ
Штукъ скота, а также
Нѣтъ ни счета, ни предѣловъ
Всѣмъ его усадьбамъ;
Не довольствуясь богатствомъ,
Набираетъ съ бѣдныхъ
И изъ дани государству
Крадетъ половину;
Говорятъ, что съ Пашаджикомъ
Лютымъ свелъ знакомство
И, когда тотъ призываетъ
Въ домъ къ нему, мастикой *)
Угощаютъ; всѣхъ нечестныхъ
Покровитель—Цэко.

* * *

У него семья большая
И невѣстокъ столько-жъ,
Сколько сыновей и внуковъ..
Всѣми уважаемъ
Онъ за знатный родъ и должность,
И когда проходить,
Всѣ встаютъ съ земнымъ поклономъ;
Что-же за глазами
Говорятъ о немъ,—не знаетъ
Этихъ толковъ Цэко.

*) Родъ лучшей водки. Вкусъ ея сладковатый.

Онъ ужасно недоволенъ,
Что влюбился Камэнъ
Въ Цэну, и молва объ этомъ
Раздражаетъ Цэко.

* * *

«Этотъ песъ мнѣ сердце гложетъ,
Ядомъ обливаетъ.
Право, совѣстно подумать,
Что онъ любитъ Цэну!
Нѣтъ, не будетъ онъ мнѣ зятемъ,—
Онъ не мужъ для Цэны!»
Про себя такъ думаетъ Цэко,
Громко-же воскликнулъ:
«Знаешь, глупая дѣвчонка
Что про насъ толкуютъ?
Нѣтъ, пора покончить съ этимъ.—
Камэна подальше,
И не смѣй ни у колодца,
Ни на вечеринкахъ
Говорить съ нимъ! Онъ не пара
Намъ, покуда бѣденъ,
И пока отецъ твой, Цэко,
Живъ еще,—не будешь
Ты его женою!»

Послѣ

Этихъ словъ напала
Грусть-тоска на Цэну; радость
Быстро улетѣла:
Ей нельзя ходить ужъ больше
За водой къ колодцу,
Съ милымъ стать не смѣетъ рядомъ,
Говорить не смѣетъ..
Страшно ей отцовской мести:
Онъ сказать не даромъ,
Что обоимъ будетъ плохо;
Онъ на то способенъ.

* * *

Между тѣмъ тоскуетъ Камэнъ;
Сердце замираетъ
У него, смотря на Цэну.

Что она не хочет
 Говорить съ нимъ и, при встрѣчѣ,
 Избѣгаетъ взглядовъ.
 Если-же на вечеринкахъ
 Разспросить захочетъ,—
 Цѣна, бросивъ взглядъ печальный,
 Молча отвернется.

* * *

Стала жизнь ему несносна;
 Даже плачетъ Камэнь,
 Что надъ нимъ смѣются, дразнятъ,
 Попрекають Цѣной...
 И, въ концѣ концовъ, старуха
 Мать ему сказала:
 «Не тужи, сынокъ родимый,—
 Все пройдетъ безслѣдно.
 Цѣна—дочка чорбаджи¹⁾
 И тебѣ не пара...
 Полюби-ка лучше нашу.»
 — «Перестань, родная,
 Не томи меня напрасно,—
 Не забыть мнѣ Цѣны!»
 Съ грустнымъ взоромъ ходитъ Камэнь,
 Бродитъ онъ безъ цѣли;
 Силы-жъ,—молодость, здоровье—
 Даромъ пропадаютъ.
 То гордыня овладѣетъ;
 То придетъ, напротивъ,
 Несдержимое желанье
 Выдать тайну сердца.
 Но кому? Друзьямъ—какъ будто
 Стыдно; красныхъ дѣвокъ
 Онъ давно ужъ избѣгаетъ...

* * *

Вечеромъ однажды
 Онъ случайно встрѣтилъ Цѣну
 И сказалъ въ смущеньи:

¹⁾ Чорбаджиями у болгаръ назывались богатые граждане, нередко туркофилы, которые притѣсняли своихъ подчиненныхъ и жили ихъ трудами.

«Отчего ты такъ сердита
 И меня забыла?
 Отчего меня не любишь?—
 Оттого-ль, что бѣденъ?
 Но вѣдь я на все согласенъ...
 Я добуду денегъ...
 Или ты мнѣ измѣнила?!»
 — «О, мой милый Камэнь!
 На тебя я не сердита
 И вѣрна, какъ прежде,
 Денегъ также мнѣ не надо;
 Но отецъ мой грозный
 Запретилъ съ тобой встрѣчаться...
 Господи, отъ страху
 Холодъ въ жилахъ пробѣгаетъ.»
 — «Неужели правда?!
 Ты меня все также любишь?
 Такъ бѣжимъ отсюда!»
 Вскрикнулъ Камэнь, отъ восторга
 Самъ себя не помни.
 «Да, бѣжимъ!» сказала Цѣна,
 Жениха цѣлуя.
 «Убѣжимъ далеко въ горы!»
 Повторилъ ей Камэнь:
 «Ты легка, какъ Божья птичка,
 Я жъ силенъ и молодъ
 И тебя весь путь свободно
 Пронести могу я».
 Сговорившись и поклявшись,
 Оба удалились
 Съ тѣмъ, чтобъ завтра къ ночи снова
 Быть на этомъ мѣстѣ.

* * *

Но куда направить бѣгство?
 Гдѣ найти спасенье?
 Чѣмъ питаться? Что за горе!
 Молодыхъ влюбленныхъ
 Эти думы не тревожатъ:
 Имъ и то отрадно,

Что другъ друга будутъ видѣть
И уйдутъ отъ Цэка.

* * *

Вотъ они уже и дома,
Привались за ужинъ,
И хотя въ большомъ смущеньи,
Но въ восторгѣ оба.
Цэна такъ дрожить, боится,
Чтобъ себя не выдать,
Что все время смотреть въ землю
И не хотеть хлѣба.
Послѣ ужина молитву
Совершивъ, съ поклономъ
Цэна спать пошла. Напрасно!
Сны ея бѣжали:
То ей грезился самъ Цэко,
То бѣгущій Камэнъ.
Съ наступленьемъ утра Цэна
Стала въ путь собираться.
Съ трепетнымъ биеньемъ сердца
Ожидая ночи,
Смотрить на поля родныя,
Гдѣ играла прежде,
На источникъ и на горы...
Кажется ей, будто
Все въ послѣдній разъ ужъ видить;
Но еще печальнѣй
Разставаться ей съ родными
И съ отцовскимъ домомъ,
Покидать подругъ, знакомыхъ...

* * *

Въ то-же время Камэнъ
Объвилъ своей старухѣ
О рѣшеньи. Грозно
Лобъ нахмуривши, со стономъ
Такъ она сказала:
«Неужели ты намѣренъ
Это сдѣлать, сынъ мой!
Развѣ ты не знаешь Цэка!
Неужели бросить

Ты рѣшишься мать-старуху!
Кто жъ меня по смерти
Пожалѣеть?» Онъ ни слова
Не сказалъ на это;
Просьбы матери пронзаютъ
Сердце, точно пули;
Слезы чуть изъ глазъ не льются;
Совѣсть мучить будто,
За великій грѣхъ... Вдругъ Камэнъ
Вспоминаетъ Цэну...
«Да, подь вербами, навѣрно,
Ждетъ меня! Пожалуй,
Думаетъ, что измѣнилъ я...
Можетъ быть, смѣется
Надо мной, что не могу я
Мать оставить...» Быстро
Черезъ плечо ружье закинувъ,
Взявъ кинжалъ отцовскій,
Онъ вскричалъ:—«Прощай, родная,
Дай свою мнѣ руку!
Ждать нельзя мнѣ дольше... Къ Цэнѣ
Я спѣшу...»—и къ мѣсту,
Гдѣ назначилъ онъ свиданье,
Путь направилъ... «Время!»
Съ этимъ словомъ оба молча
Тронулись къ ближайшей
Цѣпи горъ.

Межъ тѣмъ, какъ это
Совершилось, праздникъ
Былъ у Цэка; въ этотъ вечеръ
Угощалъ гостей онъ:
Грознаго агу¹⁾-Халида
Вмѣстѣ съ Пашаджикомъ.

* * *

Первый, родомъ арнаутинъ²⁾,
Старый другъ былъ Цэка.

¹⁾ Слово, означающее титулъ визнаго дворянства (для вышшаго титула— бей). Оно соответствуетъ нѣмецкому von и французскому de.

²⁾ Арнауты (албанцы, арбанасы)—народъ, густо-населенный зап. часть Балканскаго полуострова, между Черногоріей и Греціей, а также кочующій

Въ жизни людямъ онъ надѣлалъ
 Всякихъ бѣдъ не мало
 И, пока былъ каръ-сърдаринъ ¹⁾,
 Отъ него страдали
 Всѣ деревни. Каждый житель
 Долженъ былъ оставить
 Для него и куръ, и масла ²⁾
 (Точно подать!). Свита
 У него была такая,
 Что въ деревнѣ цѣлой
 Не могла никакъ вмѣститься.

 А второй пріятель,
 Пашаджикъ, былъ справедливо
 Названъ «бичъ селеній».
 Десять лѣтъ онъ былъ бандитомъ
 И теперь не лучше.
 Все, что онъ возьметъ какъ подать
 Иль захватить силой,
 Отдаетъ пашѣ ³⁾ и постѣ
 Дѣлать съ нимъ добычу.
 Сколько христіанъ невинныхъ
 Отъ него погибло!
 Онъ стрѣлялъ въ грудныхъ младенцевъ,
 Рѣзалъ беззащитныхъ
 Поселянъ своею саблей,
 Истребилъ пожаромъ
 До ста хижинъ и двѣ церкви:
 Гдѣ ни проходилъ онъ,
 Всюду пепель оставался.

по всему полуострову. Полуобразованные, кичливые своими доблестями, въ полномъ смыслѣ слова—головорѣзы, они постоянно враждуютъ между собой и своими сосѣдами; главный ихъ заработокъ—скотоводство. Языкъ арнаутовъ образовался на основѣ старо-илирійской (оракійской, кельтической ?) подъ вліяніемъ элементовъ романскихъ, славянскихъ, греческихъ и турецкихъ. Зачатки литературы мы находимъ въ однихъ только духовныхъ книгахъ, да и то внесенныхъ иностранцами.

¹⁾ Смотритель надъ полями.

²⁾ Это дѣлается для умилостивленія.

³⁾ По нашему, генералъ, высшій военный и гражданскій чинъ у турокъ.

Эти два злодѣя
 Часто Цэка посѣщали,
 Потому что былъ онъ
 Знатенъ и имѣлъ въ свѣтлицѣ
 Молодую Цэну.

* * *

Въ этотъ вечеръ оба друга
 Навѣстили Цэка..
 Вотъ обѣдъ уже оконченъ;
 Убираютъ блюда.
 Гости сидя ожидаютъ,
 Чтобъ явилась Цэна,
 Чтобъ диванъ-чепразъ ⁴⁾ стояла
 И въ рукахъ держала
 Воду въ чашкѣ и салфетку ⁵⁾,
 Сыновья-же Цэка
 Чубуки приготавлиютъ.
 Но напрасно гости
 Дожидають Цэну, къ двери
 Обращая взоры..
 Вдругъ вбѣгаютъ съ шумомъ слуги
 И кричатъ съ испугомъ:
 «Цэны нѣтъ!.. она бѣжала!..»
 Тутъ нашъ старый Цэко
 Сразу понялъ, догадался,
 Кто ее похитилъ,
 И въ безсильной злобѣ вскрикнулъ.
 Слуги встрепенулись,
 Побѣжали съ крикомъ, съ шумомъ
 И изъ всѣхъ конюшенъ
 Лошадей новыводили,—
 Самыхъ крѣпкихъ, быстрыхъ.
 Гибно въ кольца завивая
 Длинный усь, съ угрозой
 Процѣдилъ сквозь зубы Цэко:
 «Другъ Халидъ, рабыней
 Завтра дамъ тебѣ я Цэну;
 Пашаджикъ, тебѣ-же

⁴⁾ Т. е. вытянувшись, готовую къ исполненію малѣйшаго приказанія.

⁵⁾ Для обряда омовенія.

3

Камэна дарю...» и быстро
Взявъ ружье, а прочимъ
Давъ по палкѣ, въ путь понесся.
Все село отъ стука
Пробудилось, и собаки
Лаемъ залилися.

* * *

Вотъ и утро. Камэнъ съ Цэной,
Подойдя къ Балканамъ,
Отдохнуть расположились
И заснули крѣпко,
Убаюканные шумомъ
Вѣтерка въ деревьяхъ
Да любовнымъ рокотаньемъ
Пѣсни соловьиной.
Ночь прошла. Проснулась Цэна,
Быстро оглядѣла
Мѣстность и съ улыбкой нѣжной
Жениха спросила:
«Камэнъ, милый мой, куда-же
Намъ идти?» На это
Тотъ сказалъ: «Я самъ не знаю...
Глазъ намъ путь покажетъ.
Побѣжимъ черезъ эти горы
И долины въ землю,
Гдѣ заходитъ солнце; тамъ-то
Не найдетъ насъ Цэко;
Тамъ никто насъ не обидитъ...
Только тамъ, голубка,
Тамъ могу съ тобой спокойно
Быпить чашу счастья».
— «Чу!.. я слышу крики... говоръ...
Конскій топотъ... ржанье...»
Поблѣднѣвъ, шептала Цэна.
— «Намъ бѣда—погоня!»
Крикнулъ Камэнъ. Взявъ пожитки,
За руку взявъ Цэну,
Мигомъ дальше онъ пустился.

* * *

2

Точно дикимъ сернамъ,
Имъ пришлось скакать черезъ ямы,
Камни, рвы. Желанье
Убѣжать еще скорѣе
Ихъ торопить. Сзади
Слышенъ грозный шумъ и крики...
Цэна еле дышетъ
И отъ страху то заплачетъ,
То назадъ посмотритъ.
Камэнъ самъ едва не плачетъ...
Напрягая силы,
Онъ беретъ одной рукою
Узелъ съ одностволкой,
А другой хватаетъ Цэну
И бѣжитъ все дальше,
Дальше съ ношей драгоцѣнной.
Потъ ручьями льется
У бѣдняги... Все сильнѣе
Конскій топотъ слышенъ...
Отъ него земля и стонетъ,
И дрожитъ... Вотъ Цэко
Впереди летитъ. Онъ сильно
Раздраженъ и громко
Кличетъ ихъ: «Эй, погодите!»

* * *

Камэнъ сталъ и, нѣжно
Посмотрѣвъ на Цэну, тихо
Ей сказалъ—«Голубка
Я убью его!»—«Нѣтъ, Камэнъ,
Вспомни—онъ отецъ мой...»
Но раздался громкій выстрѣлъ.
«Ахъ, бѣги, спасайся,
Убѣгай, мой милый Камэнъ!
Я-жъ на этомъ мѣстѣ
Буду смерти дожидаться.»

* * *

— «Подожди, колдунья!
Гдѣ твой Камэнъ окаянный?»
Съ сердцемъ крикнулъ Цэко,
Соскочивъ съ коня:—«Ну, Цэна,

3

2

У меня ни съ мѣста!
 Я съ гостями сюда прѣхалъ
 И тебя помолвлю.»
 Тутъ, накинувшись на Цэну,
 За косы бѣдняжку
 Сталъ таскать, кнутомъ стегая,
 Въ злобѣ ненасытной.
 «Гдѣ онъ, гдѣ твой возмутитель?
 Гэй, въ погоню, слуги!
 Ты же, дочь, ступай за мною,
 Поѣзжай обратно!
 Тамъ обоихъ ждетъ васъ свадьба:
 Камэна—веревка,
 А тебя—неволя, рабство». —
 И, вскочивъ на лошадь,
 Гнѣвно онъ ее ударилъ
 И поѣхалъ, Цэну
 Предъ собою погоняя
 Длинною нагайкой». —
 Черезъ день ее отправилъ
 Цэко въ домъ Халида
 И послалъ письмо съ извѣстьемъ,
 Что въ гайдучьей ¹⁾ шайкѣ,
 Вѣроятно, скрылся Камэнъ.
 Вотъ какъ лютой Цэко,
 Жкаждой мести ослѣпленный,
 Осудилъ два сердца
 На страданья и на нужду
 До конца ихъ жизни!

* * *
 Скоро все село узнало
 Новость роковую:
 Цэна сдѣлалась турчанкой;
 Гайдукомъ сталъ Камэнъ.
 Старики и молодые

¹⁾ Гайдучь—первоначально разбойникъ. Болгары, двлавшіеся гайдуками, имѣли цѣлю убіеніе турокъ въ отмщеніе за ихъ несправедливости и, въ особенности, за поруганіе надъ христіанской вѣрой. Панайотъ Хитовъ подъ руководствомъ знаменитаго Раковского, первый создалъ изъ гайдуковъ политическую партію поборниковъ за свободу.

Сжалились надъ ними;
 Красныхъ дѣвокъ-поселянокъ
 Какъ огнемъ спалило.
 Плачутъ все о бѣдной Цэнѣ,
 О ея судьбинѣ,
 Цэка жъ проклинають. Тужить
 Камэна дружина;
 Тужить мать его старуха,—
 Стыдно ей и больно
 Слушать всюду: «Родила ты
 Гайдука...» И скоро
 Умерла она; сломался
 Старый домъ, и Цэка
 Съ этихъ поръ еще сильнѣе
 Стали ненавидѣть.
 «Въ немъ злой духъ. За прегрѣшенья
 Этого злодѣя
 Богъ огнемъ насъ покараетъ!»
 Вѣщунны шептали.

* * *

Вотъ проходитъ третій мѣсяцъ,
 Какъ вездѣ засуха.
 Всюду слышенъ общій говоръ:
 «Нѣтъ дождя.» Напрасно
 Литію служили въ полѣ;
 Бѣгали напрасно
 Пэнэруды ¹⁾—ни единой
 Тучки; зной ужаенный;
 Воды, рѣки пересохли;
 Молотба забыта;
 Все питаются булгуромъ ²⁾,
 Говорятъ повсюду:
 «Голодь будетъ; все нещадно
 Воздоржаетъ. Надо,
 Чтобъ погода измѣнилась». —
 Въ страхѣ поселяне

¹⁾ Пэнэрудами называются у шоповъ цыганки, которыхъ убираютъ зеленью, обливаютъ водой и заставляютъ плясать. Это дѣлается по народному повѣрью для того, чтобы вымолить у Бога дождь.

²⁾ Овсяная каша.

И на Цэка съ подозрѣнемъ
Смотрять, пошъ-же Михо,
Сотворивши крестъ, тихонько
Говорить: «Виновенъ
Въ этомъ Цэко: онъ вѣдь продалъ
Дочь родную чорту;
Онъ съ нечистыми все дружить,
Съ ними ѣсть и пьеть онъ,
Мы безъ хлѣба, мы страдаемъ,—
Онъ лишь радъ и счастливъ.
Черезъ него поумираемъ
Отъ голодной смерти:
Какъ засуха прекратится,—
Градъ, навѣрно, будетъ».

* * *
Гдѣ-бы Цэко ни явился,
Всѣ дрожать отъ злобы:
Суевѣрныя-жъ старухи
Страшные рассказы
Всюду шепчуть: будто Цэко
Не постить, какъ турокъ;
Будто знаетъ онъ съ чортомъ.
Что съ нимъ сдѣлать? Будь онъ
Въ колдовствѣ иль въ блудѣ грѣшенъ.
Всѣмъ народомъ скоро-бъ
Съ нимъ расправились; но извергъ
И богатъ, и важенъ:
Онъ ограбить и замучить—
Въ Азію отправить.

* * *
На святой недѣлѣ какъ-то
Послѣ литургіи
Собрались въ корчмѣ у Жэли
Поселяне—шопы.
Былъ тамъ Тимо, стамболія ¹⁾
Былъ священникъ Михо,
И столѣтній старецъ Анто
(Человѣкъ онъ мудрый,

¹⁾ Стамболія—опредѣлительное слово, означающее, что тотъ, къ кому оно относится, былъ въ Константинополѣ или, по-турецки, въ Стамбулѣ.

И къ нему приходитъ каждый
На домъ за совѣтомъ);
Были тамъ еще другіе:
Староста церковный,
Пѣвчій (онъ при Дороевѣ ¹⁾
Былъ еще!), учитель
Куздо; былъ Два-Гласа-Ангель,
Кузманъ Колинъ; былъ тамъ
Чужестранецъ Видуль Валахъ,
Гачо-Зелень-Горо.

* * *
Гачо—храбрый, сильный парень;
Грудь его покрыта
Волосами; онъ отлично
Въ цѣль стрѣлять умѣетъ
И одной рукою можетъ
Съ четырьмя бороться.
Говорятъ, что на свободѣ
Жилъ онъ прежде, даже
Знаетъ Минчо—воеводу ²⁾;
Что ему извѣстны
Горы; что (прошедшимъ годомъ,
Лѣтомъ это было)
Застрѣлили онъ... Кьоръ Юпуза ³⁾...
Но забудемъ это!
Вотъ всѣ эти поселяне
Стали совѣщаться
И, безъ дальнихъ разсужденій,
Быстро порѣшили.

* * *
Утромъ до восхода солнца
Вышелъ Михо въ ризѣ
И съ какой-то старой книгой.
Но куда-жъ такъ рано
Онъ идетъ? Къ больному-ль Диму
Иль кто умеръ? Можетъ,

¹⁾ Бывшій болгарскій епископъ.

²⁾ Одинъ изъ старыхъ славныхъ мстителей за вѣру (не политическій гайдукъ).

³⁾ Вероятно, какая-нибудь мѣстная турецкая знаменитость и сила.

Дѣлая поклоны, воду
 Освящать онъ будетъ?
 Иль нечистыхъ духовъ надо
 Умертвить молитвой?
 Нѣтъ, прошелъ онъ всю деревню.
 Не сказавъ ни слова,
 И остановился въ полѣ
 На большой дорогѣ.
 Ставъ лицомъ къ востоку, вбилъ онъ
 Въ землю колы, накиннулъ
 Эпитрахиль и, раскрывши
 Книгу, глухо началъ
 Напѣвать. Но что-жъ? молитву
 Или клятву? Только
 Видно было, какъ поетъ Михо
 Хмурилъ лобъ высокій,
 И тряслась его сѣдая
 Борода. Окончивъ
 Чтеніе, отступилъ онъ, поднявъ
 Камень и съ словами:
 «Проклятъ Цѣко!» бросилъ къ мѣсту,
 Гдѣ воткнулъ онъ палку.

* * *
 Съ этихъ поръ кто здѣсь проходитъ
 То-же слово скажетъ,
 То-же сдѣлаетъ: идетъ-ли
 Путникъ или пастушка—
 Бросивъ камень въ кучу, молвитъ:
 «Проклинаю Цѣка»;
 Пахарь-ли идетъ на ниву—
 Бросить камень, скажетъ
 И идетъ своей дорогой;
 Бѣгаютъ-ли дѣти,
 Или дѣвушки проходятъ—
 Дѣлаютъ все то-же;
 Даже издали съ собою
 Носить нужный камень:
 Кто-же Цѣка пожалѣетъ,
 Съ тѣмъ бѣда случится.
 На четвертый день вокругъ палки

Груда поднималась;
 Истекла еще недѣля—
 Стала вдвое больше;
 Мѣсяцъ пролетѣлъ—съ верблюдомъ
 Высотой сравнялась;
 Столько-же прошло—и гордымъ
 Сдѣлалась курганомъ...
 И громада, какъ живая,
 Чудно вырастаетъ,
 И ее замѣтить можетъ
 Путникъ издалека.

* * *

Устрашился нечестивый
 Цѣко, но не въ силахъ
 Помѣшать ей возвышаться,
 И сквозь сонъ глубокій
 Стукъ камней онъ слышалъ ночью,
 Днемъ громадой бредилъ.
 Иногда неволью что-то
 Тянетъ Цѣка къ мѣсту,
 Гдѣ ужасная громада:
 Чудится, какъ будто
 Страшный судъ настать, и въ страхѣ
 Онъ дрожить. Онъ видитъ,
 Будто камни тѣ съ глазами,
 Ртомъ, ушами; будто
 Говорятъ ему: «Ты проклятъ»
 И надъ нимъ смѣются.
 И бѣжить оттуда Цѣко.
 На дрожащемъ тѣлѣ
 Льется потъ, какъ ледъ, холодный:
 Но нигдѣ не можетъ
 Убѣжать отъ той громады.
 Наконецъ, лишился
 Силъ послѣднихъ Цѣко; блѣдность
 На лицѣ явилась,
 Точно былъ онъ долго боленъ.

* * *

Перестали къ Цѣку
 Собираться поселяне.

Всѣ къ нему питають
 Отвращенье, не имѣють
 Больше съ нимъ сношеній.
 Ужь никто ему не скажетъ:
 «Здравствуй!» Какъ заразы,
 Всѣ его бояться стали.
 Если въ церковь входить,
 Отступаютъ богомольцы.
 Сталь онъ презираемъ
 Даже собственной семьею.
 Скоро Божья кара
 Цэка грѣшнаго постигла
 За его злодѣйства:
 Смерть въ его открылась домѣ.
 Всѣхъ глотая жадно,
 И въ недолгій срокъ три сына
 Цэковы скончались;
 Истребленъ былъ лѣсъ пожаромъ;
 Солнце хлѣбъ спалило—
 И въ амбарахъ не осталось
 Никакихъ запасовъ;
 Всѣ товары утонули;
 Скотъ пропалъ, и въ полночь
 Цэка домъ обьяло пламя;
 Превратились въ пепелъ
 И имѣнье, и товары,
 И въ мгновенье ока
 То крылатое богатство
 Птицей улетѣло.
 Сталь богатый Цэко нищимъ;
 Помутился разумъ
 У него, исчезла воля,
 И ходить онъ началъ
 Съ наклоненной головою.
 Богъ кого накажетъ—
 Сердцемъ не прощаютъ люди;
 Кто-жъ претерпѣть много—
 Отомстить съ умѣть страшно.

* * *

Долго думалъ Цэко,
 Потирая лобъ рукою;
 Наконецъ, надумалъ
 И, не медля ни минуты,
 Удался въ городъ
 Обвинить село въ измѣнѣ:
 Будто въ немъ открылъ онъ
 Заговоръ (дѣвицы даже
 Съ ружьями выходятъ!)
 «Ну-ка ихъ ко мнѣ ведите;
 Мы-же приготовимъ
 Этимъ временемъ веревки!»
 Закричалъ свирѣпо
 Самъ паша.

Въ одну минуту

Въ шопскую деревню
 Понаѣхали запѣи¹⁾,
 Чтобы взять въ неволю
 Всѣхъ, кого лишь ни прикажетъ
 Грозный мститель, Цэко.
 Содрогнулись поселяне;
 Плачутъ дѣти; турки-жъ,
 Торжествуя мщенье, съ крикомъ
 Хижины ихъ грабятъ,
 А потомъ мужчинъ хватають.
 Просятъ со слезами
 Матери объ ихъ пощадѣ;
 Проклинають бабы...
 Больше всѣхъ терпѣлъ поплъ Михо:
 До ста палокъ дали
 Бѣдняку и приказали
 Съ голыми ногами
 Впереди идти отряда,
 Не смотря на раны.
 И отъ радости смѣялся
 Безсердечный Цэко,
 Что, при помощи запѣевъ,
 Столько душъ невинныхъ
 Онъ на казнь отправилъ.

¹⁾ Турецкіе жандармы.

Ужасъ

Охватилъ деревню.
 Время страшное настало...
 Кто-же знаетъ, можетъ,
 Будутъ большія несчастья,
 Такъ какъ за горами
 Два могучихъ государства
 Межъ собой воюютъ:
 Худо, если неудачу
 Вдругъ потерпять турки,
 Худо, если и напротивъ...
 Ходятъ всюду слухи,
 Поселянъ пугая, будто,
 Гдѣ проходить турки,
 Пенель, труны остаются.
 Говорятъ, что скоро
 То-же самое постигнетъ
 Ихъ село; что лютый
 Пашаджикъ туда подходитъ
 И везетъ съ собою
 Двѣсти храбрыхъ арнаутовъ
 И черкесовъ быстрыхъ.

* * *

Выйти изъ дому не смѣютъ
 Даже и по дѣлу;
 Только Цэко бодръ и веселъ
 И горитъ желаньемъ
 Встрѣтить друга дорогого,
 Пашаджика съ войскомъ.
 «Пусть-ка всѣ теперь узнаютъ,
 Кто таковъ ихъ Цэко!»..
 И задумалъ онъ внезапно
 Подпалить деревню..
 Вдругъ извѣстье пронеслося:
 «Турки убѣжали!»..
 Всѣ кричатъ и объявляютъ
 Каждому объ этомъ.
 «Турки убѣжали!» дѣтямъ
 Матери толкуютъ.
 Сынъ къ отцу вбѣгаетъ съ крикомъ.

«Братья побѣдили!»
 Говорятъ, что къ ихъ деревнѣ
 Казаки несутся.
 Все село развеселилось;
 Мраченъ только Цэко.
 Поднялось вездѣ смятенье;
 Въ колоколь пробили,
 И сошлись на дворъ церковный
 Юноши и старцы,
 Чтобъ держать совѣтъ, какъ встрѣтить
 Дорогихъ собратьевъ.
 Но, не зная по душевной
 Простотѣ, что дѣлать,
 Порѣшили поселяне
 Старика Антона
 Пригласить для совѣщанья:
 Онъ хоть старъ, но мудрый,
 Не уступитъ Соломону,
 Человѣкъ бывалый,
 Много странствовалъ и видѣлъ.
 И справиться можетъ
 Съ вѣчными календарями.
 Тотчасъ всѣ приветали,
 Только Анто появился,
 И изъ уваженья
 Къ сѣдовласому по знаку
 Мигомъ замолчали.

* * *

«Дѣти!» началъ мудрый старецъ,
 Плача въ умиленьи:
 «Возблагодаримъ-же Бога
 За его къ намъ милость!
 Становитесь на колѣни!..
 Что мечтою было
 Въ продолженье вѣка, стало
 Истиной сегодня.
 Дѣдушка Иванъ ¹⁾ отъ турокъ
 Насъ мечомъ избавилъ.

¹⁾ Такимъ образомъ называли болгары русскихъ изъ боязни, чтобы ихъ не услышали турки. Потому это названіе осталось у нихъ по привычкѣ.

Счастливъ я, что мнѣ придется
 Снова видѣть русскихъ! ¹⁾
 Мы давно вѣдь поджидали
 Радостной минуты
 Избавленья отъ невѣрныхъ:
 Русскіе намъ братья
 И одной и той-же вѣры.
 Ну, снимайте шапки
 И идемъ скорѣй ихъ встрѣтить
 Съ хлѣбомъ, съ солью! Дѣвки
 Пусть плетутъ вѣнки и ими
 Украшаютъ ружья;
 Вы жъ во все кричите горло:
 «Здравствуйте, братушки!» ²⁾
 Такъ мы Дибича встрѣчали;
 Такъ творятъ и люди.
 Надо также наготовить
 Разныхъ угощеньй».

* * *

Чувствуя свои злодѣяства,
 Малодушный Цѣко
 Задрожалъ, когда увидѣлъ
 Радостныя лица.
 Не посмѣлъ съ толпой веселой
 Ликовать въ восторгѣ.
 Страхъ объялъ его. Онъ скрылся
 Въ хату, чтобъ не видѣть
 И его чтобъ не видали...
 И не знаетъ Цѣко,
 Что съ нимъ будетъ... Онъ въ сомнѣнн:
 Убѣжать отсюда
 Иль остаться... Долго думалъ...
 Страхъ взялъ верхъ, и Цѣко,
 Что есть силъ, пустился тайно
 Изъ своей деревни...
 И бѣжитъ онъ, задыхаясь,
 Блѣдный, съ непокрытой

¹⁾ Намекъ на походъ въ Болгарію, бывшій въ царствованіе Николая I (1828—1829).

²⁾ Любимое привѣтствіе болгаръ при встрѣчѣ съ русскими войсками.

Головою, какъ гонимый
 Страшнымъ сновидѣньемъ.
 Видитъ Цѣко—будто тѣни
 Передъ нимъ мелькаютъ.
 Выростаетъ на дорогѣ,
 Какъ живой, кустарникъ,
 Заграждая путь.. Бѣжитъ онъ
 Дальше, въ безсознанн
 Падаеть, встаетъ, и снова
 Передъ нимъ громада...
 Видитъ бѣлую палатку—
 Часовые ходятъ,
 Чтобъ задерживать бѣгущихъ.
 И вернулся Цѣко
 Изнуренный и усталый;
 Но, войдя въ деревню,
 Задрожалъ въ нѣмомъ испугѣ:
 Онъ увидѣлъ всюду
 Тучи пыли; въ ней кружились
 Люди въ красныхъ шапкахъ,
 Лошади, большія пики...
 И пустился Цѣко
 Убѣгать отъ русскихъ въ горы,
 Тамъ отъ нихъ сокрыться.

* * *

Разнеслась по всей деревнѣ
 Вѣсть о бѣгствѣ Цѣка
 И о томъ, что не хотѣлъ онъ
 Дать отчета бѣднымъ.
 «Изловите нечестивца!»
 Голоса кричали
 За торжественной пирушкой.
 Каждую возмездья
 Закипѣло ретивое...
 Стали поселяне
 Снаряжать себѣ дружину.
 Кто дубиной машеть;
 Кто беретъ ружье, кто вилы:
 Даже старшій Анто

Къ молодымъ присталь съ навоемъ ¹⁾».
 Всѣ бѣгомъ пустились,
 Точно за большой добычей...
 Спрашиваютъ, смотрять
 И повсюду ищутъ Цэка;
 Тихо и безъ шума
 По кустарникамъ проходить—
 Лишь сердца трепещутъ...
 Наконецъ, пройдя довольно
 На тропинкѣ «козвей»,
 Увидали съ обнаженной
 Головой, худого,
 Еле дышащаго Цэка.
 «Стой, довосчикъ подлый!»
 Крикнулъ сѣдовласый Анто:
 «Вѣшайте на сосну
 Нечестиваго Иуду!»
 — «Лучше въ яму бросить!»
 Молвилъ Гачо-Зеленъ Горо.
 «Нѣтъ», замѣтилъ третій:
 «Напихаемъ шкуру Цэка
 Сѣномъ да соломой!»
 — «Лучше дегтемъ пообмажемъ,
 Чтобъ хороводы
 Намъ сегодня освѣщать оны!»
 Голоса кричали.
 На измѣнника глядѣли
 Яростныя очи;
 Кара всякая казалась
 Для него ничтожной...
 Вдругъ раздался гулъ... всѣ смолкли...
 Съ шумомъ изъ-за лѣса
 Вышла новая дружина.
 «Стойте!.. подождите!..
 Бросьте казнь!.. Узнаешь, Анто,
 Мудрый старецъ, кто я?»
 Крикнулъ Камэнъ, приближаясь
 Съ молодой невѣстой.

¹⁾ Техническое выраженіе. Навоемъ называется палка въ ткацкомъ станкѣ.

Всѣ глазамъ своимъ не вѣрятъ.
 «Камэнъ!.. Цэна!.. вы-ли?!
 Изъ какой страны вернулись?»
 Плачутъ всѣ отъ счастья.
 Обнимаютъ ихъ, цѣлуютъ
 И снимаютъ съ Цэны
 Фэреджу ¹⁾ турчанки. Камэнъ
 Имъ сказалъ на это:
 «Собрались мы, братья, снова!
 Вотъ моя невѣста.
 Мы ее спасли сегодня
 Съ этою дружиной,
 А Халидъ-агу послалъ я
 Въ адъ; но онъ не первый:
 Я насытилъ душу местию
 И кинжалъ свой—кровью.
 Цэка лучше отпустите:
 Богъ его осудитъ.
 Наше счастье и радость
 Пусть его терзаютъ».
 И отправились двѣ рати
 Съ пѣснями, съ весельемъ.
 Чтобъ свадьбу поскорѣ
 Молодымъ устроить.

* * *

Съ той поры проходятъ годы,
 И событій новыхъ
 Много мы переживаемъ:
 А громада тайно,
 Незамѣтно продолжаетъ
 Вырастать, и камни
 Къ ней летаютъ безпрестанно.
 Слезы бѣдныхъ скоро
 Никогда не высыхаютъ,
 И воспоминанья
 О дурномъ легко не могутъ
 Въ душахъ ихъ исчезнуть.

¹⁾ Верхняя одежда у турчановъ, въ родѣ плаща. Она бываетъ различныхъ цвѣтовъ.

II.

Памяти Раковского.

Мысль и железо, лира и труба, —
 Всячко ти бѣ вкупомъ за една борба!

И. Вазовъ.

Раковский слишком интересное лицо, чтобы обойти его молчаніемъ, и поэтому я считаю не лишнимъ предпослать о немъ краткій очеркъ. Раковский (1818—1867)—одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и заслуженныхъ пробудителей болгарскаго возрожденія. Онъ былъ и поэтъ, и историкъ, археологъ, публицистъ и революціонный агитаторъ, и наконецъ, балканскій гайдукъ. Онъ первый своими пѣснями и изданіемъ историческихъ памятниковъ пробуждалъ въ болгарахъ народное сознаніе, газетами агитировалъ народъ къ поголовному возстанію, собиралъ гайдучьи шайки подъ общее знамя: давалъ имъ единство организаціи, проповѣдуя о печальномъ состояніи своего отечества. Жизнь его переполнена приключеніями. Онъ бывалъ нѣсколько разъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ, изъ которыхъ зачастую или бѣжалъ, или бывалъ изгоняемъ. Его средства, понятно, не всегда были согласны съ принятыми началами, но цѣль всегда была святая, высокая... Цѣль эта—освобожденіе отчизны. Мало на свѣтѣ людей, столько перенесшихъ, такъ много пережившихъ и выстрадавшихъ, какъ Раковский. Его политическая и литературная дѣятельность имѣла громадныя успѣхъ. Онъ, во время своихъ странствій, издавалъ болгарскіе журналы и книги въ слѣдующихъ городахъ: въ Новомъ Садѣ, Бѣлградѣ, Бухарестѣ и Одессѣ; онъ извѣздилъ вдоль и поперекъ всю Европу, ища хотя-бы какой-нибудь помощи для угнетенной Болгаріи, былъ нѣсколько разъ предводителемъ шайекъ; наконецъ, передъ крымской кампаніей, Раковский пріѣхалъ въ Петербургъ, но не имѣлъ успѣха въ своемъ предпріятіи и его даже думали посадить въ тюрьму. Онъ хотѣлъ просить русское правительство о защитѣ болгарскаго народа передъ Турціей и, когда узналъ о неудачѣ, ему удалось черезъ Одессу убѣжать въ Румынію. Послѣ этого Ра-

ковскій сталъ врагомъ Россіи, и первый изъ болгаръ началъ писать противъ нея, такъ что, когда она сдѣлала воззваніе къ болгарамъ объ ихъ дальнѣйшихъ переселеніяхъ въ южно-русскія земли, онъ стойко пропагандировалъ какъ устно, такъ и брошюрами, противъ этого, мотивируя тѣмъ, что Русь преслѣдуетъ не гуманныя, а однѣ только завоевательныя цѣли. Онъ умеръ въ Бухарестѣ пятидесяти лѣтъ отъ роду.

* * *

Безумный мечтатель съ душой непонятной,
 Снѣтъ темной години тревожной и ратной,
 Раковский, почіежь твой прахъ подъ кустомъ,
 Едва осѣненный подгнившимъ крестомъ.
 Спи послѣ трудовъ! почивай! передъ нами
 Ты вихремъ носился, кипѣлъ ты страстями,
 Ты точно купался въ стихійномъ огнѣ...
 Спи! намъ не мѣшать ужъ твоей тишинѣ!

Ошиблась природа, тебя не познала,
 И генія путь для тебя расчищала,
 И мысли твои напоила огнемъ,
 Горячимъ восторгомъ въ избыткѣ живомъ;
 Но, видно, невѣдомый демонъ вмѣшался,—
 Изъ крайностей только твой духъ созидался:
 И страстью, и желчью, и мощью горя,
 Душа твоя—буря, и мракъ, и заря—
 А ненависть адская—вотъ твое право!
 Любовь до небесъ—вотъ любви твоей слава,—
 Любовь безъ сомнѣній, предѣловъ и грѣзъ,
 Какъ крестъ свой тяжелый, ты на сердцѣ несъ!

Девизомъ твоимъ была смерть или воля,
 Мечтою—Балканы, святинею—доли
 Народа, что, кровью облитый, страдалъ!
 Какъ призракъ туманный, ты въ жизни виталъ.
 Въ грядущаго мглу ты смотрѣлъ боязливо,
 Но въ тайны былого провикнулъ на диво
 И выдвинулъ міру,—какъ символъ побѣдъ,—
 Вѣка золотые изъ мрака на свѣтъ,

О славныхъ царяхъ—чудодѣйцахъ преданья,
Поросшія мхомъ вѣковыя сказанья!
Повсюду орлиный твой взоръ находилъ
Могила, гдѣ славу болгаръ схоронилъ.

Глубокую тьму старины, намъ родимой,
Открылъ ты вселенной, о неударжимый!
Ничто для тебя не явилось сверхъ силъ
И всѣ ты мечтанья свои воплотилъ;
Загадчиковъ хитрыхъ, всегда безсвѣтныхъ
Смуцалъ ты напоромъ вопросовъ завѣтныхъ;
Ни тьма, ни событій безчисленныхъ рой,—
Ничто не стоитъ на пути предъ тобой.
О духъ безпокойный, ты думалъ, несчастный
Мечтатель, апостоль, воитель ужасный,
Пятивѣковые вопросы постичь
Въ минуту?! Мы слышали гордый твой кличъ,
Когда ты на Савѣ и на Дембовицѣ
Воскликнулъ: «свобода сіиѣ намъ зарницею!»
И тутъ же, гори вдохновеннымъ огнемъ,
Надежду ты сѣялъ въ народѣ своемъ.
Въ громадной толпѣ только ты лишь несняцій,
За всѣхъ, точно демонъ какой-то всезряцій,
Въ трудахъ ты боролся, страдалъ, шолъ на бой;
То былъ ты мудрецъ, то безумецъ шальной,—
То вождь на Балканахъ, то узникъ въ Стамбулѣ,—
Поэтъ и разбойникъ въ широкомъ разгулѣ...
И мысли съ желѣзомъ, и съ лирой труба,—
Для нихъ ты былъ созданъ—и весь былъ борьба!

* * *

Исторіи много придется размыслить,
Къ какимъ тебя ликамъ безсмертнымъ причислить..
Ты умеръ. Нѣма гробовая плита
И скрыта подъ дикою тѣнью куста.
И прахъ твой гнѣтъ безъ слезы умиленья...
Но, вѣдай, открытъ намъ, о смнѣ искупленья,
Проломъ тотъ широкій, что въ радостный часъ
Въ туманную даль проломалъ ты для насъ!

III.

Къ орлу.

Орелъ! и ты, и я, безгласный,
Летимъ на поле бранной битвы.
Обоихъ насъ влечетъ ужасный
Проклятый духъ людской ловитвы.

Когда-бъ я былъ орелъ могучій,
Я скрылся бы за облаками:
Здѣсь кровь, убійство, воздухъ жгучій!
Земля здѣсь полита слезами!

Останки всюду предо мною
Погибшихъ жизней безъ возврата;
Рыдаютъ тѣни надъ землею,
Нишава ¹⁾ смертью вся обята.

О, братья сербы, я рыдаю!
Надежду здѣсь мы схоронили!..
Все кровь да кровь! Къ родному краю
Мы слѣдъ кровавый проложили...

IV.

Не хочу я злого ликованья,—
Дорогъ намъ достался лавръ! Не стану
Ликовать! Восторгъ зажжетъ страданья,
Какъ ножомъ, внесетъ мнѣ въ сердце рану.

Сколько слезъ мои мнѣ пѣсни стоютъ!..
Каждый кликъ восторга, это—злоба!
Ей одной кумирь безумно строкуютъ...
Каждый лавръ—тріумфъ у двери гроба!..

Нѣтъ, нѣтъ! прочь отъ радости безумной,—
Кровь, что льютъ, вѣдь наша, не чужая!

¹⁾ Небольшая рѣчка, отдѣляющая на незначительномъ протяженіи Болгарию отъ Сербіи.

О, зачѣмъ вы ждете пѣсни шумной:
Горе въ ней живетъ, не изсякая...

Шумъ борьбы въ васъ пробудилъ желанья,
Васъ волнуетъ славы лучъ блестящій;
А могилы, матерей рыдавья—
Ихъ сочтеть одинъ поэтъ всезрящій.

V.

Въ окопахъ.

Конченъ, конченъ бой кровавый!
Ужъ нисходитъ мракъ ночной.
Въ ровъ упалъ болгаръ безсильный,
Рядомъ—сербъ полуживой...

Два случайные убійцы:
Выстрѣлъ былъ штыку отвѣтъ!
Духъ слабѣтъ... скоро оба—
Скоро кинуть бѣлый свѣтъ!

«Братъ мой милый», сербъ промолвилъ;
«Это—ты?.. мой вѣрнѣе глазъ»...
«Я, братъ Йово¹⁾, доброй встрѣчи!
Свель Господь-то снова насъ».

«Жаль мнѣ, жаль тебя, бѣднягу,—
Ты вѣдь—съ кучею дѣтей»...
«Благодарствуй... Память гаснетъ...
Кто ты? Дай признать скорѣй!

Гдѣ, когда съ тобой встрѣчались?»
«Въ алексинацкомъ бою
Вмѣстѣ турокъ мы рубили».
«Петко²⁾?!.. братъ мой?!.. узнаю...

О прости... Тебя я помню:
Безъ тебя-бы смерть пришла.

¹⁾ Йово (Йово)—Иванъ.

²⁾ Петко—Петръ.

Мать моя, старуха, свѣчи
За тебя частенько жгла!»

«Полно, Йово, что за счеты!..
Квиты, ну и по рукамъ!
Подрались мы, какъ собаки,
Отпусти ты, Боже, намъ!»

«Братъ мой!..» «Йово, умираю...
Жжетъ... воды мнѣ.. я горю..»
«Вотъ три капли... пей, родимый...
Здѣсь мнѣ смерть, какъ посмотрю»..

«Полно, Йово... Ну, прощай-же!
Тутъ костямъ моимъ лежать».
«Петко, я иду съ тобою...
Вѣчно рядомъ будемъ спать».

Смерклось. Надъ кровавымъ полемъ
Разлилась ночная мгла...
И лежатъ съ спокойнымъ видомъ
Почернѣвшія тѣла...

II.

М. Московъ.

Московъ—самый молодой болгарскій поэтъ. По двумъ его небольшимъ произведеніямъ, которыя мы перевели, конечно, нельзя еще рѣшить, какую роль суждено ему играть въ болгарской литературѣ. Поэтому съ жизнью начинающаго поэта мы считаемъ пока излишнимъ знакомить читателя и общаемъ пополнить этотъ пробѣлъ въ будущемъ, когда талантъ Москова окрѣпнетъ и покажетъ, что первые его печатные стихи—плодъ дѣйствительнаго творчества, а не „плѣнной мысли раздраженъ“. Поэты въ Болгаріи—рѣдкость, и потому появленіе новаго невольно привѣтствуется каждымъ.

I.

Птичкѣ.

О, если-бъ я съ тобой умчался, птичка,
 Куда-нибудь въ безвѣстный мѣръ
 И эту ночь провель-бы тамъ, гдѣ нѣжно
 Шумить, ласкается зефиръ,
 Гдѣ лишь поэтъ присутствуетъ незримо
 Своей крылатою мечтой,
 Да гдѣ орелъ могучій отдыхаетъ,
 Склонясь усталой головой!
 Хочу скорѣй умчаться я отсюда,
 Хотя на мигъ умчаться въ даль
 И отдохнуть душою наболѣвшей...
 Здѣсь истомить меня печаль!..
 Моя душа полна стремлений чистыхъ;
 Ее несетъ порывъ страстей...
 Откуда въ ней такое вдохновенье,
 При видѣ горя и страстей?
 Умчи меня, умчи въ свои предѣлы,
 Гдѣ улыбаясь день горить,
 Гдѣ искренно и пылко сердце любить,
 Порокъ въ смущеніи молчить,
 Гдѣ страшныя и злоба, и мученья
 Не нанесли-бы въ сердце ранъ,
 Гдѣ нашихъ чувствъ коварно не смutilи-бъ
 Сомнѣній ядъ, любви обманъ...

II.

Странникъ птичкѣ.

Скажи мнѣ, птичка, — пролетая
 Черезъ моря, лѣса, поля,
 Ты не замѣтила-ли края,
 Гдѣ зрѣетъ тучная земля,
 Гдѣ много лѣтъ народъ несчастный
 Тамъ въ цѣпи рабства заключонъ,
 Гдѣ и теперь еще подвластный
 Все распять на Голгоѣ онъ...

О, тотъ народъ — потомокъ славный
 Безсмертной истины сыновъ!
 Поникнулъ головой державной
 Подъ игомъ страдныхъ онъ годовъ.
 Слыхала ты его стенанье?
 Видала слезы на щекахъ?
 О, утоли мое желанье, —
 Пропой мнѣ о родныхъ мѣстахъ!
 Что въ нихъ? борьба грядущей славы,
 Страданій-ли предсмертной часть?...
 Да, вѣрю я, дитя забавы,
 Опять заря блеснетъ для насъ!
 И если вновь ты мчишься къ югу —
 Туда, гдѣ мой родимый край, —
 Ему пропой мою разлуку,
 Привѣтъ сердечный передай..

III.

Христо Ботевъ.

Христо Ботевъ — одна изъ замѣчательныхъ личностей въ новой болгарской литературѣ и исторіи.

Онъ былъ сыномъ народнаго учителя (въ прибалканскомъ городкѣ Калоферѣ), и пятнадцатилѣтнимъ юношей (около 1864 г.) поступилъ въ одесскую семинарію, но курса тамъ не окончилъ. Страстный и развитой не по лѣтамъ, онъ не могъ переносить школьной дисциплины, и вотъ Ботевъ выходитъ изъ училища съ твердымъ намѣреніемъ посвятить свои силы угнетенному отечеству. Съ этого времени начинается его эмиграция и революціонная дѣятельность, направленная противъ турецкаго владычества. Въ 1870 г. онъ началъ издавать въ румынскомъ г. Браиловѣ газету: „Дума“, но вскорѣ принужденъ былъ, вѣроятно, вслѣдствіе преслѣдованій „миролюбивыхъ“ соотечественниковъ, покинуть Браиловъ и отправиться въ Бухарестъ, гдѣ и поступилъ наборщикомъ въ типографію Любена

Каравелова, а въ непродолжительномъ времени сдѣлался не только ближайшимъ сотрудникомъ и членомъ редакціи его газеты: „Независимость“ и журналовъ: „Будильникъ“ и „Знамя“, но и приобрѣлъ значеніе первенствующаго дѣятеля въ эмигрантской болгарской колоніи. Но Ботевъ скоро убѣдился, что писаніемъ зажигательныхъ статей и стиховъ нельзя освободить отечество, и приступилъ къ организаціи возстаннической шайки. Тутъ онъ обнаружилъ такую необыкновенную энергію и талантъ, что съ нимъ развѣ могъ-бы поспорить одинъ Раковскій. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, по всей Европѣ была разослана по телеграфу роковая вѣсть, что 200 молодыхъ болгарскихъ повстанцевъ, переодѣтыхъ рабочими, собравшихся изъ различныхъ угловъ Румыніи, взшли на австрійскій пароходъ «Радецкій» и заставили силой перевести ихъ на турецкій берегъ. Предводительствовали ими Ботевъ.

Привожу здѣсь въ переводѣ послѣднее его письмо, писанное въ дорогѣ и до сихъ поръ еще не напечатанное (сообщенное мнѣ хорватомъ, К. Ю. Геруцомъ), которое прекрасно характеризуетъ властную и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствительную натуру Ботева. Вотъ оно:

„Милые мои,

Венета, Дмитрій и Иванка ¹⁾!

Простите мнѣ, что я вамъ не сказалъ, куда отправляюсь. Любовь къ вамъ заставила меня такъ поступить. Я зналъ, что вы будете плакать, а ваши слезы—дороги моему сердцу. Венета, ты, какъ моя жена, должна повиноваться и во *все* вѣрять. Я уже просилъ своихъ друзей не оставить тебя, и они будутъ тебя поддерживать. Богъ защититъ меня и, если останусь живъ, мы будемъ счастливѣйшіе изъ смертныхъ, а если умру... помни, что послѣ отечества больше всего любилъ я тебя и, поэтому, смотри за Иванкой и не забывай любящаго тебя Христа. 17 мая 1876 г. „Радецкій“.

Написавъ это письмо, Ботевъ приказалъ своимъ сотоварищамъ

¹⁾ Венета — жена Ботева, Дмитрій — пасынокъ (тогда еще 5 лѣтъ), а Иванка — годовая дочь.

сбросить верхнюю одежду, прикрывавшую нарядный костюмъ. Блестящая рота ступила на родную землю, поцѣловала ее и пошла бороться на жизнь и на смерть. Черезъ 2—3 дня уже никого изъ нихъ не было, кромѣ нѣсколькихъ раненыхъ, полоненныхъ турками. Герои защищались до послѣдней капли крови. Ботевъ погибъ однимъ изъ послѣднихъ.

Послѣ Ботева осталось всего 16 мелкихъ стихотвореній, такъ какъ множество другихъ было сожжено его матерью; по этихъ совершенно достаточно, чтобы поставить его наряду съ первыми поэтами скуднаго болгарскаго парнасса. Въ нихъ отражается вся бурная и мрачная жизнь несчастнаго поэта настолько же вѣрно, насколько самая его жизнь ярко проходитъ на страницахъ новѣйшей болгарской исторіи періода до освобожденія.

Стихотворенія Ботева—реальнаго направленія, съ лермонтовскимъ пессимизмомъ. Они, такъ сказать, вырваны изъ глубины души болгарскаго поэта-патріота того времени. Ихъ каждый понималъ, каждый чувствовалъ, ибо всѣ жили тогда подобной жизнью. Неудивительно поэтому, что Ботевъ сдѣлался любимцемъ всей болгарской молодежи, сталъ ея идеаломъ.

Лучшія его произведенія: „Хаджіиъ Дмитрій“, „На георгіевъ день“, „Моей милой“, „Къ ней“, „Элегія“, „Корчма“, „Пахарь“ и „Молитва“. Послѣдняя—confession de foi не только самогъ Ботева, но и всего современнаго молодого поколѣнія болгаръ. Къ сожалѣнію, въ русской печати она немислима безъ пропусковъ, которые собственно и составляютъ всю суть этого стихотворенія. Приведу, для примѣра, переводъ первой строфы и четырехъ послѣднихъ.

(1-я строфа).

О, мой Боже, правый Боже,
Но не тотъ, что надъ вселенной,
Ты—что въ сердцѣ, правый Боже,
Ты—что въ мысли вдохновенной?!

(6-я строфа).

Я тебѣ молюся, Разумъ,—

Богъ рабовъ и другъ свободы,—
Предъ тобой однимъ всѣ разомъ,
Всѣ преклонятся народы.

Въ насъ вдохни, о Боже правый,
Духъ любви къ свободѣ милой,
Чтобъ боролись мы со славой
Съ нашей вражескою силой;

Поддержи мою ты руку
Чтобъ я могъ въ рядахъ востанья
Затушить навѣки муку,
Лечь костями безъ поруганья;

Не давай остыть душою
Мнѣ, скитальцу, на чужбинѣ
Съ пѣсней скорбною одною,
Вопиющею въ пустынѣ...

Языкъ Ботева простъ и ясенъ; общій мотивъ его произведений: грусть о людской несправедливости, любовь къ народу, которому онъ принесъ себя въ жертву, наконецъ, братскія чувства ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ. Тонъ отчасти напоминаетъ некрасовскій иногда же переходитъ въ лермонтовскій.

I.

Хаджій Димитръ.

Баллада.

Нетлѣнный лавръ, невянуща роза
Вамъ обвиваютъ терновые вѣнцы.
Д. С. Мережковский.

Хаджій Димитръ—славный герой-гайдукъ. Въ маѣ 1868 г. со своимъ небольшимъ отрядомъ (около 18 человекъ) онъ напалъ на четыре турецкихъ полка на вершинѣ горы Бузуджи (одной изъ возвышенностей Балканъ, находящейся возлѣ Шипки) и навелъ на нихъ своею храбростью такой страхъ, что когда потерялъ всѣхъ своихъ товарищей и остался одинъ, тяжело раненый, турки побоялись приблизиться къ нему. Черезъ

нѣсколько дней, его трупъ нашли молодыя болгарки и предали погребенью. Болгары настолько уважаютъ доблестную личность хаджія Димитра, что ежегодно, въ день его смерти, справляютъ на этой горѣ политическо-національное торжество, отчасти похожее на нашъ георгиевскій праздникъ, съ той только разницей, что въ немъ принимаютъ участіе не одни военные, какъ у насъ, а все болгарское населеніе. Слово «хаджій» у христіанъ означаетъ, что тотъ, къ кому оно присоединено, былъ въ Иерусалимѣ.

Живъ, живъ еще онъ на Балканахъ!...

Лежить въ запекшейся крови,
Чуть-дышетъ, весь въ глубокихъ ранахъ,
Одинъ—безъ дружбы, безъ любви...

Ружье стальное—въ отдаленъ;
Клинокъ отъ пашки—въ сторонѣ...
Въ глазахъ темно... Въ изнеможенъ
Проклятыя шепчетъ онъ странѣ.

Лежить юнакъ¹⁾. Надъ нимъ свѣтило
Лучами яркими горитъ.

Чу... пѣсня жницы... И зангло

Въ немъ сердце; кровь сильнѣй бѣжитъ.

Разгаръ жнитва... Пой, плачь, родная!
Ты, солнце, землю сожигай!
Юнакъ лежитъ твой, умирая...
Осиротѣть бѣдный край.

Будь бодръ! Кто гибнетъ за свободу,
Вѣка безсмертные живетъ,
Угоденъ міру, и народу
О немъ пѣвецъ передаетъ.

Давала тѣнь ему орлица
И раны кротко волкъ лизалъ,
И ясный соколъ, вихорь-птица,
Какъ братъ за братомъ, тосковалъ.

Стемнѣло. Съ полною луною
Зажглись звѣзды въ небесахъ.
Лѣсъ зашумѣлъ какъ предъ грозою.
Запѣла буря на горахъ.

¹⁾ Юнакъ—молодецъ, герой.

Русалки въ пышномъ одѣяньи,
Красой горя, на зовъ стеклись
И, по травѣ скользи въ молчаньи,
У ложа смерти собрались.

Та перевязываетъ раны,
Та освѣжаетъ юнака;
Лобзаеъ та и, какъ туманы,
Сонла предсмертная тоска.

«Гдѣ Караджа¹⁾? скажи мнѣ, вила!
Гдѣ вы, товарищи-друзья?
Зоветь, зоветь меня могила,
И скоро свѣтъ покину я».

Русалки въ дивномъ хороводѣ
Взвились, по воздуху кружась,
Летаютъ, ищутъ на свободѣ,
Пока заря не занялась.

Но брезжетъ утро, и Балканы
Алѣютъ. Весь въ крови лежитъ
Хаджій Димитръ. Волкъ лижетъ раны,
А солнце всходитъ и горитъ.

II.

Элегія.

Оставь эти пѣсни и рѣчи, —
Мнѣ ядъ онѣ въ сердце вливають...
Я молодъ, но съ первой-же встрѣчи
Съ любовью—страданья смущаютъ.
Стараясь забыться мечтами,
Я молодость проклялъ устами.

Забудь тѣ мгновенья, когда я
Лилъ слезы за нѣжные глазки...
Была то неволя тупая
За вздохъ твой коварный и ласки.
Безумецъ, сталъ чуждымъ я міру,
Поправши и чувства, и лиру!

¹⁾ Караджа—храбрѣйшій изъ всѣхъ болгарскихъ гайдуковъ. Онъ былъ знаменосцемъ въ отрядѣ хаджія Димитра.

Забудь эту дѣтскую шутку:
Любовь уже въ сердцѣ не грѣтъ;
Возжечь ее снова—разсудку
Не въ мочь, когда холодомъ вѣтъ,
Когда ретивое разбито
И злобой змѣею обвито!

Поешь ты, безспорно, чудесно;
Но слышишь шептаніе лѣса,
Рыданія бѣдныхъ? Безвѣстно
Туда я несусь, и завѣса
Спадаетъ... О, дальше съ любовью!
Взгляни, какъ все облито кровью...

Забудь пѣсни, полная яду,
Къ лѣсному прислушайся шуму,
И къ бурѣ, и къ волнѣ водопаду,
Пойми ихъ сокрытую думу,—
Они говорятъ про былое
И новое горе—живое.

Пропой-ка мнѣ пѣсни иныя,
Печальныя, милая вила,
Какъ братомъ торгуютъ родные,
Какъ молодость гибнетъ и сила,
Какъ плачутъ несчастныя вдовы
И сироты... Пѣсни все новы!

Пропой, или прочь поскорѣ!..
Ужъ сердце трепещетъ и бьется...
Оно вѣдь умчится... Живѣ
Опомнись!.. Туда унесется,
Гдѣ смерти одни завыванья,
Да въ пѣсняхъ глухіи рыданья.

IV.

Панчо Славейковъ.

Панчо Славейковъ, сынъ маститаго поэта, принадлежитъ къ числу самыхъ юныхъ представителей болгарской поэзи. Въ этомъ году изданъ имъ первый сборникъ его произведеній, преимущественно эротическаго содержанія, изъ которыхъ многія показываютъ въ немъ чуткій талантъ, согрѣтый неподдѣльнымъ чувствомъ. Для знакомства съ нимъ мы выбрали два стихотворенія, одно — элегическое, другое — обличительное, написанное къ стамбуловцамъ. Вотъ они (въ вольномъ переводѣ):

I.

Страстное сердце, тревожное сердце,
Ты—что бездонное бурное море...
Только въ груди ты отъ взоровъ сокрыто,
Море-же плещетъ на вольномъ просторѣ.

Та-же стихія всегда васъ смиряетъ,
Та-же волнуетъ и страстно вздымаетъ...
Море бездонное—тихо, и сердце
Въ сладкой истомѣ въ груди почиваетъ;

А когда буря съ могучею силой
Въ морѣ гуляетъ и по сердцу ходить.—
Море выносить жемчугъ драгоценный,
Сердце жемчужныя пѣсни заводитъ.

II.

Нынче строгій вѣкъ прогресса,
Вѣкъ осмысленной науки.
Не до васъ теперь, поэты!
Къ чорту, къ чорту ваши звуки!

Нынче насъ не привлекаютъ
Поэтическія розы:

Нынче всѣхъ насъ одолѣли
Денегъ, чувствъ метаморфозы.

Соловей... кому онъ нуженъ!?
Не слышали развѣ пѣнья!
Нынче выскочка внушаетъ
Больше, больше удивленья.

Это—истина святая...
Вѣдь согласны всѣ, нѣтъ спору?
Какъ легко дается слава
Проходимцу или вору!

Все для пользы!.. Эта слава
Такъ полезна (о, Создатель!),
Что исторія подпишетъ
Всѣмъ намъ общій знаменатель.

Б. Сербско-хорватскіе поэты.

I.

Августъ Шеноа.

Августъ Шеноа (Šenoa, 1838 — 1881) принадлежитъ къ извѣстнѣйшимъ современнымъ хорватскимъ поэтамъ и романистамъ. Какъ поэтъ, онъ можетъ быть поставленъ наравнѣ съ Прерадовичемъ и Змай-Ювановичемъ, а какъ романистъ—онъ несомнѣнно занимаетъ первое мѣсто въ хорватско-сербской литературѣ. Его дѣятельность была всесторонняя и, хотя онъ умеръ сравнительно рано, все-же она имѣла громадное значеніе для хорватовъ. Въ его поэзи преобладалъ субъективный лиризмъ съ яркой романтической окраской. Многія его любовныя и патріотическія стихотворенія положены на музыку и сдѣлались достояніемъ крестьянскаго населенія, а баллады

изъ хорватской и вообще славянской исторіи—любимый предметъ изученія и декламации хорватской молодежи. Но проза его гораздо цѣннѣе его стиховъ. Шеноа написалъ цѣлый рядъ большихъ историческихъ романовъ и многочисленныхъ рассказовъ изъ современной жизни, изъ которыхъ многие переведены уже на чешскій, польскій, словинскій, нѣмецкій, французскій и итальянскій языки. Изъ романовъ отмѣтимъ: „Дочь ювелира“ (Zlatogovo zlato), „Крестьянскій бунтъ“ (Seljačka buna), „Диогенъ“ (Diogenes), „Клятва“ (Kletva), „Берегись руки защитника отечества“ (Čuvaj se senjske ruke), а изъ рассказовъ: „Другъ Лаврентій“ (Prijan Lovro), „Гвоздика на могилѣ пѣвца“ (Kaganfil sa pjesnikova groba), „Нипцій Лука“ (Prosjak Luka) и др. Всѣ произведенія Шеноа отличаются богатствомъ и изяществомъ языка, вѣрностью и живостью описаній, строго патриотической тенденціей, но, къ сожалѣнію, страдаютъ отсутствіемъ глубокаго психологическаго и социальнаго анализа. Онъ былъ знаткомъ чешской, польской и всѣхъ западно-европейскихъ литературъ, съ русской-же, къ прискорбію, познакомился слишкомъ поздно, именно тогда, когда внутреннее его развитіе окончилось, такъ что русскій реализмъ не оказалъ на него никакого вліянія. Небольшой хорватскій народъ, достигшій на попрещъ культуры въ столь короткое время значительныхъ результатовъ, можетъ вполне гордиться такимъ представителемъ, какимъ явился Августъ Шеноа.

I.

Смерть Петра Свачича, послѣдняго короля хорватскаго ¹⁾.

Баллада.

Куда идетъ онъ, скрытый тьмою,
Воитель въ шлемъ золотомъ,
На палку опершись рукою?
Глаза горять... мертвецъ лицомъ...

¹⁾ У хорватовъ въ поэзіи преобладаетъ патриотическая тенденція. Каждый выдающийся поэтъ считаетъ своимъ долгомъ воспѣть какого-нибудь древняго героя. Между произведеніями этого рода баллада: «Смерть П. Свачича» пользуется наибольшей популярностью.

И все спѣшитъ онъ, да спѣшитъ,
Какъ будто адъ за нимъ стоитъ.
Поднялся молодецъ высоко,
Порой приляжетъ, чуть дыша,
И снова въ путь; не дремлетъ око
И замираетъ въ немъ душа.
Кривавый слѣдъ онъ оставляетъ;
Зияетъ рана на груди.
Въ бессильныхъ мукахъ онъ страдаетъ
Не видя свѣта впереди
Онъ держитъ древко небольшое;
Лохмотья знамени на немъ,
Съ хорватскимъ выцвѣтшимъ гербомъ.
О, знамя, это—ты родное!
Идетъ и стонетъ.. силы нѣтъ!
Фонтаномъ кровь изъ раны льется,
Слабѣетъ духъ и, какъ скелетъ,
Онъ падаетъ; и смерть ужъ вьется
Надъ головою у бѣглеца.
Окоченѣлъ; но все-жъ глазами
Съ горы онъ видитъ подъ ногами
Свой край родимый безъ конца,
И горъ зеленыхъ вереницы,
И серебро курчавыхъ рѣкъ,
И натискъ волнъ морской парицы,
Лазурь небесъ, холмы для нѣгъ,
Шолкъ нивъ и поле золотое...
Забилось сердце ретивое
И вырвался изъ сердца стонъ!
«Увы, все здѣсь теперь—могила;
Народъ въ оковы заключенъ;
Потухла пламенная сила...
Погибло все!» Закрывъ рукой
Лицо, бѣглець лежитъ нѣмой
И кудри по лицу спустились;
Но все жъ глаза его свѣтились
И мстью искрились порой.
Олень, съ обрыва внизъ бѣгущій,
Спросилъ у павшаго, кто онъ;
Лѣсъ, тихій шелестъ издающій,

Пришельцу тоже удивленъ;
 И съ вѣтки соколъ сизокрылый
 Свой острый взглядъ остановилъ:
 «Откуда ты пришелъ, мой милый?»
 Бѣглець лишь вздохъ тутъ испустилъ.
 Припалъ къ скалѣ онъ головою;
 Влуждаетъ взоръ по сторонамъ,
 И щеки смочены слезою,
 И знамя припеклось къ губамъ;
 И, точно солнце въ часъ заката,
 Ужъ прочь бѣжить надежда жить.
 Онъ молвить: «Палъ я безъ возврата!
 Очей мнѣ некому закрыть;
 Не будетъ надо мною тризны,—
 Последнимъ королемъ отчизны»...
 Сказалъ, и свѣтъ въ горахъ разлить,
 И златокудрая дѣвица
 Предъ бѣдникомъ въ слезахъ стоитъ
 Ясна—что божія денница,
 И шепчетъ:—«Стоны по горамъ...
 Чу... бури плачеть... Горе вамъ!
 Узнай меня: я—ваша вила...
 Кто ты?... гдѣ мощь твоя и сила?»
 —«Кто я? я—тѣнь. Кѣмъ былъ? Петромъ;
 Отъ дуновенья злого рока
 Слетѣлъ вѣнецъ и въ грудь глубоко
 Вошелъ клинокъ, и я лицомъ
 Къ лицу со смертью... Смерть, иди!
 Надежда въ счастье пропади!»
 —«Что-жъ держать? смѣло!» молвить вила.
 —«Что держать?—сломанная сила.
 Я былъ хорватскій государь,
 И море власть мою носило,
 И грязь, что завелася встарь
 Между народомъ, мнѣ подвластнымъ,
 Хотѣлъ я до-чиста извести
 И счастье дать, поднявши честь.
 Кипѣлъ народъ въ порывѣ страстномъ..
 И вотъ забрызганъ кровью тронъ;
 Въ сердцахъ и бѣшенство, и злоба;

Вездѣ раздоръ и смерти стонъ;
 И честь безмолвствуетъ у гроба,
 И не хотятъ отчизны знать;
 Порокъ гнѣздится близъ короны,
 Чтобъ подлостью ее отнять...
 Безумство въ волѣ... бичъ—законы...
 Безумцы въ крикѣ держатъ власть
 И братской крови слѣдъ—ихъ страсть.
 На скипетръ,—кто боляринъ родомъ..
 И вотъ я выбранъ былъ народомъ..
 Я принялъ жезлъ и поднялъ мечъ
 И, будто молніей, рукою
 Сталь плевела людскія сѣчи:
 Пускай цвѣтутъ передо мною—
 Свобода, трудъ и славы рѣчи!
 Какъ кормчій опытный и смѣлый,
 Когда морская гладь кипитъ,
 Рукою дѣйствуетъ умѣлой,
 И судно къ гавани летитъ.—
 Таковъ и я съ своей кормою...
 И стихла буря предо мной;
 Но... ужасъ!.. злобою людскою
 Разрушенъ домъ несчастный мой
 И зависть подлаго холопа
 Свободу, тронъ у насъ взяла
 И пурпуръ съ царскихъ плечъ сняла
 И саванъ сдѣлала для гроба;
 Сломали жезлъ; попрали тронъ;
 Корону въ деньги расплавляли...
 И вотъ я знамя вынесъ... Вонъ!
 И прочь предатели бѣжали.
 Но чу... ты ужасъ видишь новый,
 Тяжелый, небывалый грѣхъ.
 Къ намъ вызванъ врагъ, чужой, суровый...
 Боляринъ радъ и ждетъ утѣхъ,
 И хочетъ въ прахъ извести свободу
 И цѣпи наложить народу...
 И врагъ пришелъ И вотъ толпой
 Хорваты, будто бы на бой,
 Идутъ къ предателю... друзьями.

А не на бой!.. Измѣна!.. Я
 Вотъ здѣсь, подъ этими горами,
 Лишь съ горстью вѣрныхъ, мечь тая,
 Поднявши знамя, даль сраженье.
 Лилася кровь богатырей...
 Враги насъ душать... Гдѣ спасенье?
 Надежды нѣтъ и нѣтъ друзей...
 И что-жъ случилось?... дивися!
 Хорватскій ножъ въ меня проникъ...
 Чу... пѣсни... крики... Веселися,
 Боляринъ, цѣли ты достигъ!
 Съ врагомъ теперь за ланибрата,
 Онъ торжествуетъ черный день,
 День рабства бѣднаго хорвата.
 Честь продана... свобода—тѣнь.
 Чу... трубный звукъ и кликъ веселья...
 Въ горахъ какой-то стонъ глухой.
 На трупахъ—пиръ для новоселья:
 Хозяинъ здѣсь пришлецъ чужой.
 Ликуеть бѣсъ отъ изступленья
 И воронъ каркаетъ привѣтъ.
 Какъ умереть мнѣ безъ волненья,
 Когда моей отчизны нѣтъ!
 Зарыта бѣдная въ могилу...
 Кто былъ хорватомъ,—сталъ рабомъ;
 Паль я лишь вольнымъ бѣглецомъ...
 И страстно витязъ черезъ силу
 Прижался къ ледяной скалѣ
 Предсмертный вздохъ отдать землѣ;
 И вила грустно опустилась,
 Запечатлѣла поцѣлуй
 И тихо молвила:—«Свершилось!
 Внимай и сердца не волнуй...
 Читай судьбу... Вотъ кровь рѣкою
 Течетъ... Вотъ край твой разоренъ...
 Его тѣнять со всѣхъ сторонъ...
 Вотъ сталъ могилой онъ нѣмою...
 Все въ рану общую слилось...
 Твой гробъ забыть... На этомъ полѣ
 Рѣшится міровой вопросъ...

Вотъ время по капризной волѣ
 Измѣнить все... Хорваты—тѣнь...
 Но скоро вспыхнетъ свѣтлый день,
 Заря заблещетъ надъ горами
 И люди новые пойдутъ
 И надъ погибшими отцами,
 Которыхъ рабствомъ такъ гнетутъ,
 Вломаютъ гробовые входы
 Съ словами: «Чуйте гласъ свободы!
 Еще, хорваты, мы живемъ
 И всѣмъ о волѣ знать даемъ!»
 Какъ поле позднею весною,
 Свобода дивно процвѣтетъ,
 Отчизнѣ радугой блеснетъ;
 Уми-жъ съ спокойною душою!
 Сверкнули радостно глаза;
 Страдалецъ тихо приподнялся,
 Чтобъ зачерпнуть воды. Слеза
 Скатила въ шлемъ златой. Смѣшался
 Напитокъ съ кровью и слезой.
 Онъ поднялъ кубокъ-шлемъ рукою
 И вотъ, какъ громъ въ началѣ мая,
 Далеко рѣчь его неслась:
 «Гой ты, вечерница родная,
 Сейчасъ ты на небѣ зажглась,
 Услышь теперь мой тостъ прощальный!
 Изъ шлема пью за свой народъ.
 Пусть Богъ позоръ его печальный
 Свободой радостной сотретъ!
 О, нарождайся, день прекрасный,
 Когда не будетъ ранъ въ сердцахъ,
 Чтобъ позабылся часъ ужасный,
 Когда онъ палъ и всталъ въ цѣняхъ!..
 Пусть вѣрность будетъ неизмѣнной,
 Пусть честь за родину стоитъ,
 И въ славу вѣчной и негнѣнной
 Хорватъ окрѣпнетъ какъ гранитъ!
 А ты, звѣзда моя родная,
 Когда заря начнетъ всходить,
 Лицомъ алмазнымъ вновь играя,

Ты будешь вѣстницей служить!
Тебѣ-жъ спасибо, другъ мой, вила:
Ты ужасъ смерти побѣдила!...
Поцѣловалъ ее и палъ;
Святое знамя прижимаетъ.
Моргнулъ и... бездыханнымъ сталъ,
А вила плачетъ и вздыхаетъ.

* * *

И вотъ сбылося предсказанье,
И вѣримъ мы въ свое призванье.

II.

Возрожденной Болгарии.

(1877 г.).

Чу, пушка грянула! За дѣло
Проснулся левъ Балканъ,—трясетъ
Онъ гривой; въ высяхъ загремѣло,
И пробудился весь народъ!
Свобода свѣтитъ, сердце бьется...
Твой день насталъ! И цѣнь ужъ рвется...
Могучій шествуетъ къ намъ въ землю
Славянской матки вѣрный сынъ,—
И рабъ болгаръ,—съ отрадой внемлю,—
Теперь свободный славянинъ!

Чу! пушка грянула и, мнилось,
Изъ гроба царь великій всталъ;
Гдѣ кровь рабовъ вчера струилась,
Тамъ лучъ свободы засіялъ;
И эхо вторить:—«Встаньте, братья,
Четыре вѣка насъ объята
Кровавыхъ ковъ собой душили.
Вы—люди? Нѣтъ, вы черви были!
Смѣлый глядите, взоръ поднявши:
Тамъ божье знамя вамъ дано!..
Надъ вами солнце, просіявши,
Да сниметъ рабское пятно!..

Народъ, храбрѣйшій въ испытаньяхъ,
Зачѣмъ сегодня въ страхѣ ты
И нѣмъ при общихъ ликованьяхъ?
Ужель отъ сбывшейся мечты?
Нѣтъ,—то не сонъ и не желанье
Удвоить хитростью страданье!..
Чу, пушка грянула! Краснѣетъ
Чалма... на трупахъ крѣпнетъ тронъ,
И пальма славы зеленѣетъ,
И всталъ изъ мертвыхъ Симеонъ!

Да, воленъ ты! Самъ господинъ ты!
Привыкши влечь тяжелый плугъ,
Теперь для міра—гражданинъ ты
И всѣмъ свободнымъ—вѣрный другъ,
Забывъ душевныя терзанья,
Гряди на славныя дѣянья,—
Но не на тѣ, что подвигаетъ
Враждебный богъ, а свѣтлый миръ!
«Пусть слава честный людъ вѣнчаетъ!»
Воскликнуть всѣ, справляя пиръ.

Ты сотни Авелей лишился,
А Каинъ здоровъ и невредимъ,
И вокругъ тебя, какъ змѣй, обвился,
Ты былъ какъ плѣнный левъ предъ нимъ.
Но нынче съ взоромъ проясненнымъ
Забудь о прежде понесенномъ,
Залей его водой забвенья!
Лякують павшіе, сквозь сонъ
Увидѣвши твой день спасенья,
И ими онъ благословенъ!

Пускай бранится чернь пустая,
Пусть въ дикой злобѣ сыплетъ ядъ!
Кому мила страна родная,—
Тѣ честныхъ душъ не очернять...
И онѣмѣютъ супостаты,
И затрепещутъ азіаты.
Явись же, вольный, въ блескѣ новомъ,
Будь твердь, отъ чувствъ не отступай,

Неси чело съ горящимъ словомъ,
И счастье Богъ тебѣ подай!

Затянетъ рану чловѣка,
Пройдетъ тоски сердечной слѣдъ,
Изъ крыльевъ будущаго вѣка
Пробьется правды чистый свѣтъ,
И водарятся по вселенной
Законы истины нетлѣнной...
Тиранства памятникъ безславный
Да сгинетъ, братъ пусть брата чтить!
Единъ судья теперь державный:
Самъ Богъ—твоей свободы щить!

III.

Къ туманамъ.

Oj vi magle, biele magle,
Što ste putem tako nagle!

Гой вы, туманы, сѣдые туманы,
Что васъ такъ манить въ далекія страны?
Мчитесь вы точно пролѣтная птица
И исчезаете будто зарница...
Стойте, побудьте со мной!

Къ милому югу летите вы, знаю...
О, я по немъ и тужу и вздыхаю!
Вспомню, и влага на глазъ набѣгаетъ
И по щекамъ моей тихо стекаетъ.
Горе мнѣ съ этой слезой!

О, мои слезы, горячія слезы!
Къ этимъ туманамъ васъ мчатъ мои грезы.
Къ нимъ поспѣшайте для радостной цѣли—
Къ югу помчаться, къ родной колыбели,
Сердцу всегда дорогой!

Тамъ-то свой бѣгъ вы, о слезы! сдержите,
Тамъ на цвѣты вы росой падите,
Тамъ окропите вы розовый цвѣтикъ!
Знаю, пройдетъ моя дѣвица-свѣтикъ
Мимо цвѣтовъ той порой!

Лучшій сорветъ она ручкой прекрасной,
Тутъ-же приколетъ къ груди своей страстной,—
О, въ этотъ мигъ, мои слезы горячи,
Падайте съ листьевъ, свободны, кипучи,
Прямо на грудь къ дорогой!

Пусть моя милая сердцемъ очнется,
Въ мысляхъ бывое опять пронесется,
Сердце откликнется, страсти разбудить,
Съ грустью голубка нащепывать будетъ:
«Другъ мой, что случилось съ тобой?»

Гой вы, туманы, сѣдые туманы,
Что васъ такъ манить въ далекія страны?
Хоть на мгновеніе сдержите густыя
Волны—и слезы мои золотыя
Къ милой возьмите съ собой!

IV.

Три слова.

Da Bog i mati, domovina,
Tri rieci svete mile,
Obranit će dobra sina
Od nevolje i sile.

Храни, дитя мое, три слова
Завѣтныхъ въ памяти своей:
Во дни страданья рокового
Они блеснутъ тебѣ яснѣй.
Пока въ тебѣ таятся силы,
Ты вѣруй въ нихъ, какъ въ божій гласъ,
Неси ихъ въ сердцѣ до могилы,
Доколь не пробилъ смертный часъ.

Сочти свѣтили небесныхъ хоры,
Взгляни на пышные луга,
На ниву дѣвственную, горы,
На зибь морей и берега...
Повсюду—чудныя явленья,
Вездѣ краса!... Но кто-же могъ

Создать столь дивныя творенья?
Дитя, все создалъ это — *Богъ*.

Для птицы нѣтъ гвѣзда пригоже;
Къ улью привязана пчела;
Кроту — нора всего дороже
И хлѣвъ отраденъ для вола.
Ужель холодною мечтою
Отрады не найдешь ни въ чемъ!
Скажи, что любишь ты душою?...
Дитя, любить ты долженъ — *домъ*.

А кто, такъ нѣжно глядя въ очи,
Тебя ласкаетъ, знаешь ты?
Хранить заботливо средь ночи,
Лелѣя свѣтлыя мечты?
Кто можетъ каждое мгновенье
Тебя отъ сердца утѣшать?
Кто чувствъ священныхъ воплощенье?...
Дитя, ты знаешь, это — *мать*.

Да, *Богъ* и *мать* и *домъ* — три слова
Святыхъ! запомни ихъ любя, —
Во дни страданья рокового
Они спасутъ, мой сынъ, тебя:
Они въ сердцахъ горятъ звѣздою.
Останься вѣренъ имъ всегда,
И будетъ жизнь твоя рѣкою
Течь мирно долгіе года.

II.

Иванъ Змай-Ювановичъ.

Иванъ Змай-Ювановичъ (Змај—Ювановић)—первый сербскій поэтъ. Поэзія его — преимущественно лирическая, и образцы ея могутъ быть поставлены наравнѣ съ лучшими произведеніями европейской литературы. Они отличаются нѣжностью, теплотою чувства, искренностью. Идеалы его чисты и въ выс-

шей степени благородны. Онъ, какъ и все южно-славянскіе поэты, прежде всего патриотъ, и каждое его стихотвореніе носитъ на себѣ отпечатокъ любви къ отечеству и къ свободѣ. Завѣтная его мечта — примиреніе двухъ соперничающихъ вѣтвей одного и того же народа — хорватовъ и сербовъ. Больше всего Ювановичъ любитъ дѣтей и создалъ для нихъ очень много прелестныхъ стихотвореній. Каждое сербское дитя знаетъ своего милаго, добраго, стараго друга, *дядю Ивана* (чика-Юва). Поэзія Ювановича — реально-романтическая и исполнѣ понятна какъ для интеллигенціи, такъ и для простаго читателя. Въ его стихотвореніяхъ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся внутренняя и вѣшняя жизнь сербскаго народа въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ. Пишетъ онъ также и въ прозѣ, особенно переводить, и переводы его отличаются всегда всеми достоинствами оригинала.

Змай родился въ 1833 году въ Новомъ Садѣ. Окончивъ юридическій факультетъ, въ промежутокъ времени отъ 1861—63 г., онъ служилъ въ тамошнемъ магистратѣ, потомъ переѣхалъ въ Пешть и, женившись, поступилъ въ число студентовъ медицинскаго факультета; окончивъ его, онъ сталъ въ совершенно независимое положеніе относительно правительства. Въ 1872 г. умерла его жена, а черезъ годъ и его любимая дочь. Это несчастіе вызвало лучшія его стихотворенія, которыя онъ называлъ „Увянувшими розами“. Въ 1873 г. праздновался его 25-лѣтній юбилей и по этому случаю князь черногорскій наградилъ его орденомъ Даніила. Недавно онъ подарилъ ему помѣстье, которое названо въ честь его „Змајевац“. Теперь Ювановичъ состоитъ вольнопрактикующимъ врачомъ въ Вѣнѣ.

Въ 1861 г. онъ началъ издавать литературный журналъ „Јавор“, выходящій и до настоящаго времени, затѣмъ дѣтскій журналъ „Невен“ и сатирическій „Змај“, отъ котораго и его псевдонимъ. Кромѣ этого, Ювановичъ участвуетъ во многихъ сербскихъ и нѣкоторыхъ хорватскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ нашей литературѣ мы его скорѣе всего сравнили-бы, какъ оригинальнаго поэта, съ графомъ Алексѣемъ Толстымъ, а какъ переводчика — съ Жуковскимъ.

I.

Два отрывка изъ лирической поэмы:

«Увянувшія розы».

[«Увянувшія розы» («Фулихи-увеоци») — циклъ лирическихъ стихотворений, въ которыхъ поэтъ изливаетъ свое горе о рано умершихъ жентѣ и дочери].

1.

«Надъ собой звѣзду ты видишь?»
Астронóмъ сказалъ мнѣ строго:
«Стынетъ мозгъ при мысли только,
Далека-ли къ ней дорога!

Высоко звѣзда, далеко:
Сотня долгихъ лѣтъ промчится,
Лишь потому ея лучъ свѣтлый
Въ нашемъ взорѣ отразится.

Видимъ мы звѣзды сѣянье,
Видимъ, какъ она мерцаетъ,
А ея и нѣтъ, быть можетъ...
Вѣришь?..» — «Вѣрю! Кто не знаетъ!

Иногда и самъ невольно,
Какъ грушу, закрывши очи,
Будто слышу сладкій голосъ,
Милый сердцу, въ часъ полночи.

Мнится, будто вижу ясно
Свѣтлый ликъ звѣзды прекрасной, —
Вижу, вижу я голубку, —
А давно вѣдь нѣтъ несчастной».

2.

Увы, предчувствіе сбылося
Кончины близкой роковой,
И нѣтъ тебя, моя голубка, —
Самъ Богъ бесѣдуетъ съ тобой.

И часто слышу, забываясь,
Я голосъ всѣхъ моихъ дѣтей:
«Когда ты встрѣтишь гдѣ малютку, —
Люби за насъ его, лелѣй»...

И въ этомъ звукѣ столько силы
И утѣшенья столько въ немъ,
Что думы черныя сползаютъ,
И радость на лицѣ моемъ.

Когда-жъ подросъ мой садъ зеленый,
Цвѣтами ярко заблесталъ,
Хожу я въ немъ, цвѣты срывая,
Хоть и старикъ сѣдой я сталъ.

И вотъ, плетя моимъ умершимъ
Вѣнокъ надгробный, какъ привѣтъ,
Мнѣ мнится, будто обнимаю
Я юности грядущей цвѣтъ.

II.

Горемычная мать.

Кормить мать три сына кровныхъ, —
Злого горя утѣшенье;
Холить дочь. «Мои ты глазки!»
Шепчетъ мать ей въ умиленѣ.

«Эка Данка, что за прелесты!»
Братья хвалятся сестрою;
Ими-жъ Боснія гордится
Подъ турецкою луною.

Братья хвалятся сестрою:
Та на бой ихъ подстрекаетъ;
Ими-жъ Боснія гордится:
Въ нихъ отмстителей встрѣчаетъ.

Мать-же старая въ молитвахъ
Проситъ Бога со слезами:
«Сохрани моихъ ты дѣтокъ,
Голубицу съ соколами».

Но ага турецкій, Гавранъ,
Все не спитъ—сидитъ три ночи,
Восклица: «Гдѣ ты, рай мой,
Гдѣ ты, Данка, ясны-очи?»

Вотъ онъ съ шайкою несется:
И стрѣльба ужъ, и сраженье...
Данка бѣдная проснулась:
«Братья, въ васъ мое спасенье!»

Льется кровь и бой пылаетъ.
Гавранъ—въ бѣгствѣ, устыженный,—
А у Данки, бѣдной Данки,—
Братъ одинъ лежитъ сраженный.

Снова ночь. Ага поднялся,
Мчится съ шайкою завзятой.
Данка братьевъ громко кличетъ:
«Вотъ онъ, Гавранъ, вотъ проклятый!»

Льется кровь и бой пылаетъ.
Гавранъ—въ бѣгствѣ, устыженный,
А у Данки, бѣдной Данки,
Братъ другой лежитъ сраженный.

Въ третью ночь ага поднялся;
Шайку взялъ онъ вмѣсто свата.
«Ай, спаси меня, родимый!»
Въ страхѣ будитъ Данка брата.

Льется кровь, и бой пылаетъ,
Полночь бьетъ. Бѣда большая!
«Гдѣ ты, Данка—горемыка?
Стонетъ братъ твой, умирая».

Гавранъ, дѣвушку сжимая:
«Ну, красавица, попалась!»
—«Нѣтъ турецкій змѣй, ошибся!
Здѣсь съ ножомъ я повѣчалась».

Льется кровь рѣвой изъ сердца;
Умирая пала къ звѣрю,
И сказала съ тихимъ вздохомъ:
«Жду я мстителя и звѣрю».

Пусто всюду; ночь безмолвна:
Межъ холодными тѣлами
Бродитъ мать съ безумнымъ видомъ,
Обезсилена слезами.

Вотъ и три меча сновнихъ
Передъ ней (о видъ злосчастный!)
Вотъ и острый ножъ дочерній,—
Этотъ суженый ужасный.

И по Сербіи блуждаю,
Гдѣ увидитъ только камень.
Говоритъ, тряся оружіемъ:
«Мсти за кровь и мсти за пламень!»

Что-жъ молчишь ты, сербъ, очнися!
Развѣ сердце—не живое?!..
Ночь трепещетъ... Камни глухи...
Тишь, безмолвье гробовое...

III.

Три гайдука.

БАЛЛАДА.

Въ страшномъ испугѣ вскочилъ среди ночи
Ферузъ-паша, протеръ сонныя очи...
Пламя лампы трепещетъ, читая
Страхъ сновидѣнья на блѣдныхъ чертахъ.
Крикнулъ паша, и жена на ногахъ.
«Гдѣ отъ подвала ключи? Вѣдь, сгнивая,
Третій ужъ годъ какъ разбойники тамъ...
Ахъ, этотъ пенель проклятый гайдучій!
Вѣчно смущаетъ онъ сонъ мой могучій
И угрожаетъ во снѣ по ночамъ!»
—«Нѣтъ, ага, ночью опасно спуститься
Въ этотъ ужасный подвалъ къ гайдукамъ!
Мало-ли что въ эту пору случится!

Просто велимъ ихъ зарыть по утра».
 «Ха-ха-ха, баба! Отъ смѣха умру!
 Я и при жизни-то ихъ не страшился,
 Хоть и опасными были тогда,
 Съ мертвыми-жъ псами—какая бѣда!
 Надо ихъ видѣть... Пойду я... рѣшился...
 Какъ-то лежать они тамъ и гниютъ?!
 Пусть мнѣ отвѣтятъ, зачѣмъ мои муки,
 Что во мнѣ ищутъ, къ чему все зовутъ?..
 Взялъ онъ лампаду въ дрожащія руки.
 Лучъ на лицѣ его блѣдномъ игралъ—
 Ржавый замокъ заскрипѣлъ, завизжалъ;
 Ферузъ спустился—и въ ямѣ пропалъ.

* * *

Въ темномъ, сыромъ и холодномъ подвалѣ,
 Камни гдѣ плѣсенью, мхомъ заростали,
 Гдѣ, извиваясь, шипѣла змѣя,
 Вѣрную смерть въ своемъ жалѣ тая:
 Три гайдука тамъ посажены были;
 Тамъ и теперь они тоже сидятъ—
 Или такъ грезится Ферузу... Стыли
 Тутъ же предъ ними, гдѣ камни лежатъ,
 Налитыхъ чѣмъ-то три полныхъ стакана.
 Первый гайдукъ обратился къ нашѣ:
 «Вотъ тебѣ съ кровью бокалъ по душѣ!
 Былъ я женатъ.—Жили мы безъ обмана;
 Но разлучаютъ меня, и жена
 Вдругъ осталася, бѣдняжка, одна...
 Нѣтъ, не одна,—мечъ ей былъ спаситель.
 «Гдѣ ты, нашъ волкъ, окаянный мучитель?»
 Крикнула бѣдная здѣсь у дворца;
 Но загремѣло ружье наглеца...
 Пуля шальная ей въ сердце попала.
 Вотъ ей кровь... Пей-же, пей изъ бокала!
 Что? какъ вино?... Кровь на вкусъ хороша...
 Пей за меня, славный Ферузъ-паша!»

* * *

Руку невольню ага подымаетъ,
 Ближе ногою невольню ступаетъ,
 Выпилъ изъ чаши и вскрикнулъ отъ мукъ...

Вскрикнулъ паша, и,—смѣясь отъ злости—
 «Богъ да проститъ тебя!» крикнули кости.

* * *

Вотъ и второй начинается гайдукъ:
 «Только попался я въ эту могилу,
 Мать обратилась къ тебѣ черезъ силу:
 «Сколько возьмешь ты за сына-раба?»
 «Три мѣшка денегъ», отвѣтилъ ты бѣдной.
 Сжалилась, видно, надъ старой судьба!
 Ночью и днемъ собирая по мѣдной,
 Вовсе не ѣла она, не пила,
 Потомъ кровавымъ тебѣ собрала
 Эти мѣшки трудовые, бѣдняга,
 И подала тебѣ. Взялъ ты ихъ, скрига,
 И начинаешь смѣяться надъ ней:
 «Ты мнѣ за кормъ принесла эту малость?
 Сыновъ твой, повѣришь, герой былъ, ей-ей!
 Камни умѣлъ даже ѣсть... Эка жалость!..
 Только теперь, видно, духъ испустилъ».
 Вскрикнула мать моя, руки ломал...
 Видишь ты чашу? Она—не пустая:
 Потъ я кровавый сюда нацѣдилъ.
 Что? какъ вино?... Съ потомъ кровь хороша...
 Пей за меня, славный Ферузъ-паша!»

* * *

Руку невольню ага подымаетъ,
 Ближе невольню ногою ступаетъ,
 Выпилъ изъ чаши и вскрикнулъ отъ мукъ...
 Вскрикнулъ паша, и—смѣясь отъ злости—
 «Богъ да проститъ тебя!» крикнули кости.

* * *

Вотъ, наконецъ, началъ третій гайдукъ:
 «Знай, когда здѣсь изнывалъ я въ темницѣ,
 Былъ у меня въ моей милой свѣтлицѣ
 Маленькій, слабенькій птенчикъ-смычокъ.
 Думалъ малютка стрѣльбѣ научиться;
 Слабый, винтовки поднять онъ не могъ.
 Слезы горючія стали катиться,
 Что еще малъ онъ идти въ гайдуки...
 Плакалъ, худѣлъ онъ, не ѣлъ отъ тоски,

Зная, что здѣсь его батька родимый.
Умеръ онъ скоро, печалью томимый.
Вотъ его слѣзы! Ну, пей ихъ, паша!
Что? какъ вино? Вѣдь слеза хороша.
Пей за меня, славный Ферузь-паша!

* * *

Руку невольно ага подымаетъ,
Ближе невольно ногою ступаетъ,
Выпилъ изъ чаши и, вскрикнувъ отъ мукъ,
Паль бездыханнымъ туда, гдѣ гайдукъ...
Паль бездыханнымъ! Смѣлся отъ злости.
«Богъ да простить тебя!» крикнули кости...

IV.

Къ ней.

Вотъ мы опять межъ четырьмя стѣнами!
Какъ страстно я спѣшилъ къ родному раю!
Я весь свой путь летѣлъ къ тебѣ мечтами...
Вотъ теплоту объятий ощущаю...

Сердце задрожало;
Сердце такъ забилось,—
Ты-же быть холодной
Вдругъ не постыдилась.

И такъ вѣдь ранъ въ душѣ моей немало;
И такъ бѣгу отъ чувства ледяного;
И такъ вѣдь грудь мнѣ вѣтромъ разбивало
Среди заботъ и холода людского!

Я къ тебѣ стремился,
Я—съ судьбой несчастной...
Развѣ нѣтъ лѣкарства
У моей прекрасной?

Терпѣть привыкъ я злыя испытанья,
Переносилъ всегда ихъ со смиреньемъ,
И всею я, всею прощу свои страданья,
За нелюбовь отвѣчу имъ презрѣньемъ.

Зависть, злость людская,
Пошлость—мнѣ не новость;
Тяжелы твои мнѣ
Холодъ и суровость.

Меня, кого никто не понимаетъ,
Меня, въ комъ кровь все стынетъ день за днями,
Твое тепло отраднo привлекаетъ,
И вечерокъ рисуется мечтами...

Можетъ быть, на пѣнье
Я-бы вдохновился,
Отогналъ-бы горе
И развеселился...

Но не сбылась надежда золотая,
Ужели ты бывшее позабыла!?
Такъ поступать грѣшно, моя родная!
Гдѣ прежній жаръ? Ужели ты остыла?!

Значить, между нами
Въ дружествѣ—осѣчка?...
Охъ ты, холодунна,
Ледяная... печка!

V.

Сумасшедшій.

МОНОЛОГЪ.

(Стихотвореніе это переведено сербскимъ поэтомъ изъ Петѣи и считается выше подлинника. Оно вообще—chef d'oeuvre поэзіи Змай-Ювановича и переводчики монолога: «Сумасшедшій», извѣстнаго уже почти на всехъ главныхъ европейскихъ языкахъ, пользовались при своей работѣ больше сербскимъ воспроизведеніемъ, чѣмъ венгерскимъ оригиналомъ).

Тс... смирно!.. тише!...

Подите прочь!

Я тороплюсь... я очень занятъ:

Изъ яркихъ солнечныхъ лучей
Я буду бить плести,
Чтобъ міръ предать съаченью...
На вопль его отвѣчу смѣхомъ,

Какъ дѣлалъ онъ, когда самъ плакалъ я...
Ха-ха-ха-ха!

* * *

Рыданья, смѣхъ—основа міра,
А смерть придетъ—все сразу стихнетъ.
Я тоже умиралъ...

Мнѣ дали яду
Въ той самой чашѣ,
Которой чокались со мной.

И что-жъ убійцы?... что? какъ думаете вы?
Гдѣ спрятали концы?... а? Вотъ гдѣ:
Со мной въ землѣ, ей-Богу! Надъ могилой
Рыдали славно... лицемѣры!

Ну, ужъ хотѣлось мнѣ подняться
И папнуть за носы,
Раздумалъ только...

Пускай во здравье пользуются ими,
Пускай въ грязи себѣ околѣваютъ
И помнать, что въ землѣ сгниваю я...

Ха-ха-ха-ха!

* * *

А гдѣ мой гробъ? Онъ въ Африкѣ далекой...
Мнѣ счастье помогло:

Изъ ямы вырыла меня гѣна.
О, этотъ звѣрь—мой первый благодѣтель;
Но я его прескверно обманулъ:
Къ моей рукѣ онъ добирался,
А я подставилъ—сердце...

Гм... видно, горько было:
Въ мигъ околѣлъ онъ... да!..

Ха-ха-ха-ха!

* * *

Такъ нынче платятъ люди
За всѣ благодѣянья!..
А что они,—тѣ люди?..
Твердятъ, что корень отъ цвѣтка
Того, что въ небѣ;
Я-жъ думаю,—цвѣтокъ...
А корни гдѣ?
Въ аду кромѣшномъ.

Такъ я слыхалъ отъ философа.
Онъ въ свѣтѣ былъ, какъ я, дуракъ—
За то, что былъ безъ хлѣба...

Прямой дуракъ!.. А кража, а разбой!?
Зачѣмъ, дуракъ, гнушался ихъ всегда!?...
Ха-ха-ха-ха!

* * *

Любуйтесь мною—я смѣюся,
Хотя давно пора заплакать,
Постыдный міръ облить слезой...
Самъ Богъ, и Тотъ тамъ въ тучѣ тайно плачетъ:
Жаль, жаль Ему, что создалъ этотъ міръ.
Но что въ святыхъ слезахъ? Какая польза въ нихъ?
Земля нечистая ихъ приметъ,
А грѣшники ногами ихъ попрутъ,
И только грязь разводять ими, да!..
Ха-ха-ха-ха!

* * *

Эй!—ты, вояка старый, Дѣворъ *)—небо,
Тебѣ медалью служить солнце,
А облака—твое разодранное платье.
Гм... славный видъ для отставныхъ героев!
Да, послѣ ранъ и всяческихъ лишеній
Изрядная награда:
На рубицѣ—медаль... За то блеститъ она!..
Ха-ха-ха-ха!

* * *

А поняли, что значить,
Когда вдругъ перепелъ поетъ?... Тс... тише!..
Онъ закликаетъ...
Покинуть... женщинъ...
Онѣ для насъ—приманка!
На зовъ ихъ мы несемъ безъ оглядки..
Такъ точно море собираетъ рѣки
И пожираетъ, а назадъ не пустить.
О, женщины!.. О, это—чудо-штучки!
Смертельно хороши плутовки!
Сильнѣйшій ядъ всей нашей жизни—

*) Богъ войны, Марсъ у славянъ.

Въ сосудѣ, самомъ драгоценномъ ..
 О! о, любовь, любовь!
 Тебя пилъ жадно я и страстно!
 Въ одной твоей каплѣ—
 Медовыя рѣки;
 Одна твоя капля—
 Что море отравы.
 А скажите, вы видали
 Море синее съ волнами,
 Море бурное съ грозой,
 Разсыпашее гибель?
 А видали злую бурю,
 Этотъ ужасъ, бичъ вселенной?
 Въ темнотѣ—ся охота;
 Дружить съ молніей и съ громомъ...
 Знакомъ ли страхъ вамъ, а?...
 Ха-ха-ха-ха!

* * *

Когда созрѣетъ плодъ,—
 Глядь и упалъ..
 И ты, и ты, земля, созрѣла,—
 Катись, катись!
 Не въ силахъ ожидать и болѣ...
 До завтра только жду!
 Не будетъ свѣтопреставленья,
 Не пожалѣю ничего...
 Я землю проверчу до огненной середины
 И всыплю порохъ
 И запалю:
 Пускай взорветъ ее повыше,
 За то отмщеннымъ буду я!..
 Ха-ха-ха-ха!

III.

Августъ Харамбаничъ.

Августъ Харамбаничъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Печальника (Tugomil), родился въ 1861 г. Стихотворенія его всѣ лирическія и отличаются хорошей виѣшней отдѣлкой и благозвучіемъ. Въ нихъ только замѣчается отсутствіе глубокаго психологическаго анализа. Во всѣхъ его произведеніяхъ патриотическій элементъ преобладаетъ надъ эротическимъ, и поэтому муза его всегда скорбитъ и плачетъ, жалуясь на бѣдственное положеніе хорватскаго народа.

Харамбаничъ пишетъ и въ прозѣ. За одно неосторожное выраженіе онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, какъ измѣнникъ Австріи. Онъ участвовалъ прежде въ журналахъ: „Balkan“ и „Hrvatska Vila“, а теперь въ „Vienac“ и „Dom i Sviet“. Отдѣльные томики его стихотвореній называются: „Slobodarke“ («Ružmarinke») и „Tugomilke“. Теперь Харамбаничъ состоитъ адвокатскимъ концентомъ въ Загребѣ.

I.

Утѣшеніе.

Ты была мнѣ звѣздой ока
 И звѣздою, что въ небѣ высоко;
 Я не смѣлъ тебя трогать мечтой
 И надежду и гналъ золотую
 Раздѣлить съ тобой жизнь молодую,
 Видѣть сладкія грезы съ тобой.
 И имѣлъ лишь одно я желанье,—
 Чтобъ тебя не смущало страданье,
 Чтобы жизнь твоя въ холѣ неслась..
 Быль-бы счастливъ твоимъ-же блаженствомъ,
 Хотѣ-бы ты и не мнѣ отдалась.
 Но и это желанье пустое,
 Какъ ни билось мое ретивое,—

Не исполнилось вовсе оно:
Быстро счастье твое угасало,
Какъ въ туманѣ звѣздою мерцало...
Ты въ могилѣ, въ могилѣ давно!

Но мнѣ чудится,—слышу сквозь слезы:
«Милый другъ, позабудь свои грезы,
Помни то, что дороже меня:
Въ нищетѣ твоя родина, въ горѣ,
Твердымъ будь въ этомъ жизненномъ морѣ,—
Отъ любви ты сгоришь безъ огня...»

О, любовь, ты въ гробу, подъ землею!...
Прочь терзанья!.. Силѣнъ я душою...
За отчизну бороться готовъ!
Пусть въ страданьи мое утѣшенье!
О, какое мнѣ было-бъ мученье,
Еслибъ въ рабствѣ несли мы любовь!

II.

Есть минуты...

Есть минуты, есть мгновенья,
Очи нескрется слезою;
Какъ ребенокъ, безъ смущенья,
Я-бъ заплакалъ той порою.

Есть минуты,—надъ слезами
Такъ злорадно издѣваясь,
Какъ безумецъ, я устами
Шлю проклятья, не смущаясь.

Той минутой роковою
Убѣжалъ бы я отъ жизни,
Да привязанъ къ ней петлею:
Та петля—любовь къ отчизнѣ.

III.

Отвѣтъ критикамъ.

Довольно, критика сухая,
Меня винить за пѣсни къ ней,
Что будто, страстью изнывая,
Я чуждъ Хорватии моей!

Когда въ травѣ свѣтлякъ сверкаетъ,
Сверчокъ запѣвъ,—звѣзду въ нѣмѣ пѣлъ,
И мотылекъ любовь питаетъ
Къ веснѣ,—хотя надъ розой мѣлъ.

Подругу страстно воспѣвая,
Поѣтъ природу соловей;
Роса, на зелень упадал,
И землю смочить вмѣстѣ съ ней.

Несется жаворонка пѣнье
Какъ къ солнцу, такъ и къ небесамъ,
И лѣтомъ вѣтра дуновенье
Летитъ и къ почвѣ, и къ цвѣтамъ.

Хорватка тѣломъ и душою,
Съ хорватскимъ на груди цвѣткомъ,—
Я славлю пѣнею живою
Весь свой народъ въ лицѣ твоёмъ!..

IV.

Гуго Бадаличъ.

Гуго Бадаличъ принадлежитъ къ числу современныхъ хорватскихъ поэтовъ средней руки. Онъ извѣстенъ какъ переводчикъ съ французскаго и итальянскаго. Къ лучшимъ его оригинальнымъ произведеніямъ принадлежатъ нѣкоторыя баллады и эпическіе отрывки, въ родѣ, на примѣръ, переведеннаго

нами: „Panem et circenses“, представляющаго такую яркую картину паденія Рима во времена его борьбы съ христіанствомъ, а по своей идеѣ далеко не чуждаго современности. Литература не составляетъ для Бадалича единственной цѣли, и, кромѣ нея, онъ посвящаетъ свои силы также занятіямъ классической филологіей и исторіей хорватской словесности, по предмету которыхъ онъ состоитъ „профессоромъ“ въ одной изъ загребскихъ гимназій. Всѣ его произведенія разбросаны по страницамъ періодической прессы и до сихъ поръ еще не собраны въ одну книжку.

«Panem et circenses!»

U grudih svakom iskra sieva žarka;
Duševna to je prosvjeta, sloboda!

Ужели Римъ охваченъ вдругъ чумою?!
Иль гибнетъ въ немъ отъ голода народъ?!
Столица вся объята тишиною
И форумъ пустъ; на всемъ—какой-то гнетъ.

А что-же тамъ, близъ цирка, за волненье?
Толпа стоитъ и мечется, какъ звѣрь...
То кесарь ей готовить наслажденье,
Вѣдь игра она возжаждала теперь!

Весь занятъ циркъ. Народъ кипитъ—что волны,—
Патрицій тутъ, и воинъ, и плебей.
Умы горятъ, и нетерпѣнья полный
Всякъ крови ждетъ, волнуясь отъ страстей.

Вотъ августъ самъ сидитъ въ блестящей ложѣ,
На всю толпу кидая гордый взглядъ,
Пронзая тѣхъ, кому *иной*—дороже,
Кто не его, *другого* бога чтить.

Лазерь—на челѣ; на плечахъ—багряница,
Символь тиранствъ и пролитой крови;

Самъ блѣденъ онъ,—стыдомъ не разгорится:
Въ томъ стыдѣ молчить, въ комъ сердце безъ любви!

Но вотъ мигнулъ, и двери запищали;
Толпа людей на сцену ворвалась...
Людей... *Людьми* рабовъ вѣдь не считали!
Толпа *рабовъ* въ одинъ потокъ слилась.

Гляди на нихъ, какъ храбро—вдоль арены,
О кесарь-богъ, они къ тебѣ идутъ!
Дивись,—они душой тверды, какъ стѣны,
Хоть чуютъ—смерть незримую несутъ.

Одинъ изъ нихъ, взглянувъ на локу смѣло,
«Привѣтъ тебѣ отъ гибнущихъ рабовъ,
О, кесарь нашъ!» воскликнулъ, и... за дѣло!
Впередъ, впередъ, на смертный бой безъ словъ!

Все замерло. Щиты уже разбиты.
Сверкнулъ, какъ лучъ, предательскій клинокъ.
Нѣтъ силъ бѣжать... Поблекшія ланиты...
Кровь алая струится на песокъ...

Но гонить страхъ... Последнія усилія...
Гуль, свистъ и вопль слились въ зловѣщій звукъ.
Отъ ужаса смежить самъ демонъ крылья
И вздрогнетъ адъ—свидѣтель вѣчныхъ мукъ.

Паль бѣдный рабъ! На грудь полуживую
Соперникъ-рабъ пятою наступилъ.
Онъ въ ярости сосаль-бы кровь людскую,
Какъ дикій звѣрь, что жертву захватилъ.

Но передъ тѣмъ, какъ мечъ вонзаетъ въ шею,
Онъ всю толпу дерзаетъ спросить,
Освободить иль тутъ-же передъ нею
Для вороновъ на части разрубить?

А что-жъ народъ? Въ неистовствѣ руками
Маша ему: «Смерть, смерть!» даетъ отвѣтъ.
Тамъ правды нѣтъ, гдѣ люди не съ сердцами,
А съ камнями,—гдѣ свѣтлой воли нѣтъ!

Взмахнулъ палачъ—изъ трепетнаго тѣла
Кровь брызнула потокомъ. Нѣтъ раба!
Рукоплеща, все дико загудѣло, —
Всѣхъ радуеть бездольнаго судьба!

Народъ, народъ! Ты-ль, въ рабствѣ закоснѣлый,
Завида кровь, восторгами горишь!..
Ты-ль это, ты-ль, когда-то властный, смѣлый,
Предъ кесаремъ, какъ низкій трусъ, дрожишь!..

А тотъ, какъ левъ надъ жертвой дорогою,
Въ истомѣ мѣль и шопотомъ твердилъ:
«Когда-бъ весь міръ съ одной былъ головою!
Какъ радостно я-бъ мечъ въ нее вонзилъ!»

Прошли вѣка. Съ тиранствомъ рабство пало,
И смолкнулъ кликъ мятежный: «Хлѣба! игръ!»
Но зло средь насъ живетъ, не умираетъ,
Въ немъ—ядъ змѣи, чудовищно—какъ тигръ.

А что-жъ народъ? Напрасны ухищренья,
Безильно зло, чтобъ чувство въ немъ убить:
Въ комъ искра есть свободы, просвѣщенья,—
Огня любви нельзя въ томъ затушить!

V.

Петръ Прерадовичъ.

Изъ всѣхъ хорватскихъ поэтовъ XIX столѣтія, безъ сомнѣнія, самый выдающійся—Прерадовичъ (1818—1872), какъ по своему высокому дарованію, такъ и по вліянію на отечественную литературу. Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ увезенъ изъ родной деревни въ австрійское военное училище, близъ Вѣны, гдѣ его совершенно онѣмчили, обративъ къ тому же въ католичество. Поэтому-то первые поэтическіе опыты писаны имъ на нѣмецкомъ языкѣ. Вышедши изъ училища офицеромъ, мо-

лодой Прерадовичъ узналъ свое настоящее происхожденіе и вернулся къ матери. Съ горечью и со стыдомъ увидѣлъ онъ забытую родину и дѣятельно принялся за изученіе своего языка, который совсѣмъ почти позабылъ. Долгое пребываніе среди нѣмецкаго элемента не помѣшало ему сдѣлаться истиннымъ славяниномъ и горячо любить свое отечество. Когда его соотечественники увлекались сначала иллиризмомъ, позже—югославянскою идеей,—Прерадовичъ стоялъ на болѣе твердой почвѣ общеславянскаго единенія, считая всѣхъ славянъ за одинъ великій народъ, и предрекалъ востоку не въ дальнемъ будущемъ побѣду надъ западомъ. Прерадовичъ дослужился до генеральскаго чина и ни разу не вступалъ въ открытую вражду съ австрійскимъ правительствомъ, хотя никогда ему не сочувствовалъ. Какъ поэтъ, онъ принадлежитъ къ реальной школѣ, но до нѣкоторой степени находился еще подъ вліяніемъ романтизма. Его стихъ—сжатъ и силенъ и безъ натяжки можетъ быть сравненъ съ желѣзнымъ стихомъ Лермонтова. Идея стихотворенія была для него дѣломъ первой важности, и Прерадовичъ никогда не жертвовалъ ей въ угоду стиху. Глубина поэзіи и совершенство формы—вотъ главныя достоинства его произведеній. Прерадовичъ это—хорватскій Шевченко. Въ нашей литературѣ имѣются о немъ, кромѣ извѣстнаго сочиненія Пыпина и Спасовича, статья И. Сазоновича, помѣщенная въ „Извѣстіяхъ слав. благ. общ.“ (1884 г.) и „Очерки изъ психологіи славянскаго племени“ (1887 г.), принадлежащія перу г. Урсина. Переводы нѣкоторыхъ лучшихъ стихотвореній Прерадовича помѣщены покойнымъ Н. В. Гербелемъ въ его хрестоматіи: „Славянскіе поэты“.

Змѣя.

Što l'na svietu jedna zmija,
Ne počinit može!

На пескахъ Сахары знойной,
На пескахъ смучихъ,
Грѣлась змѣйка, отдыхая
На лучахъ на жгучихъ.

Нипочемъ ей жаръ палищій,
 Въ воздухѣ разлитій.—
 Жало пуще накаляетъ
 Влагой ядовитой.
 Ни дороги, ни тропинки—
 Гибельна Сахара!
 Безъ слѣдовъ проходить путникъ,
 Изнемогъ отъ жара.
 Лишь одна змѣя замѣтитъ
 Путника движенье
 И въ засадѣ притаится
 Въ сладкомъ нетерпѣньѣ.

* *

Вотъ проходятъ бедуины
 По пескамъ толпою,
 Пыль взвивается надъ ними
 Сѣро-желтой мглою.
 Какъ стрѣла, они несутся,
 Молніей промчались,
 Не замѣтивъ даже, всѣ-ли
 Цѣлыми остались.
 А съ однимъ бѣда случилась:
 Выползла эхидна
 И впилась въ коня лихого—
 Прямо на смерть, видно.
 Запался конь ретивый,
 Замертво свалился,
 А подъ нимъ хозяинъ бѣдный
 Смерти ждалъ, томился.
 Сердце рвется на свободу,
 Умирать—ужасно!
 Но надъ нимъ сверкнуло жало...
 Все теперь напрасно!

* *

Невдали стоитъ оазисъ;
 Въ немъ жена рыдаетъ,
 Что средь храбрыхъ бедуиновъ
 Мужа не встрѣчаетъ,
 И бѣжить къ нему навстрѣчу
 По пескамъ сплунчимъ...

Нѣтъ границъ любви и страху
 И слезамъ горючимъ!
 Ищетъ бѣдная повсюду
 Милаго супруга,
 Видитъ,—онъ лежитъ—чуть дышетъ,
 Рядомъ—конь, два друга.
 Какъ безумная гонимая,
 Плачетъ молодая,
 Обнимаетъ и цѣлуетъ,
 Точно пробуждая.
 Но ему не ждать спасенья;
 Нѣтъ и ей возврата:
 Смерть близка... И ей, несчастной,
 Ей погибнуть надо!

* *

Плачетъ дитяtko за маткой
 Горькими слезами;
 Непривычное къ разлуцѣ—
 Побѣжало къ мамѣ;
 Добѣжало, зарыдало,
 Къ ней на грудь склонилось
 Мать прижалась, и сильнѣе
 Сердце въ ней забилося.
 Обнимай, цѣлуй покрѣпче!—
 Это—часъ прощанья,
 Вѣдь змѣя не ждетъ: къ ребенку
 Нѣтъ въ ней состраданья.
 Такъ одна змѣя *четыре*
 Жертвы уложила!
 Ей для зла дана судьбою
 Роковая сила!

* *

Нестерпимо жаритъ солнце;
 Жжотъ самумъ палищій
 И пески столбомъ вздымаетъ
 Съ силою губящей,
 Сносить старыя курганы,
 Новые наноситъ
 И, погибшихъ засыпая,
 Жалобно голосеть.

Скоро выросъ холмъ могильный,
Памятникъ печальный.—
Бѣднымъ жертвамъ данъ пустыни,
Какъ привѣтъ прощальный.
А змѣя на той могилѣ
Новыхъ поджидала
И въ полдневный жаръ на солнцѣ
Сладко почивала.

VI.

Андрей Пальмовичъ.

Андрей Пальмовичъ (1847—1882) принадлежитъ къ числу тѣхъ даровитыхъ поэтовъ, которымъ, вслѣдствіе разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, не было дано достигнуть полного развитія своего таланта. Званіе католическаго священника совершенно не соответствовало его пылкому и живому характеру и тѣмъ взглядамъ на жизнь, которые онъ себѣ составилъ. Отсюда — постоянные нападки со стороны начальства, причинявшіе ему душевные страданья; рядомъ съ ними — тяжелая борьба за существованіе, борьба изъ-за куска хлѣба....

Поэзія Пальмовича вообще лирическая, но замѣтно, что онъ часто сдерживалъ въ себѣ эту главную струну своего творчества, ибо нельзя было ему высказывать свои чувства такъ ясно и опредѣленно, какъ бы онъ желалъ, и поэтъ по необходимости выбиралъ для своихъ пѣсень эпическую форму.

Эта гнетущая внутренняя борьба высоко-поэтической души съ долгомъ и приличіемъ, соответствующимъ священническому сану, отразилась на многихъ его произведеніяхъ, носящихъ на себѣ печать чего-то недосказаннаго, затаеннаго въ сердцѣ. Полное отчаяніе сбило его съ настоящаго пути; душевные и тѣлесные недуги подломили крѣпкій организмъ.

Міровозрѣніе Пальмовича то-же, что и у другихъ его со-

братьевъ по музѣ: вѣчная борьба за языкъ, за народность, переходящая волей-неволей въ узкій патріотизмъ. Эта черта стоитъ у южно- и западно-славянскихъ поэтовъ на первомъ планѣ. Достоинство поэта заключается, стало быть, въ выборѣ матеріала. И Пальмовичъ отличается отъ другихъ именно тѣмъ, что умѣетъ выбирать тѣмы, болѣе животрепещущія, болѣе поэтическія.

Въ области историческихъ сюжетовъ онъ отдаетъ болѣе предпочтенія описанію душевныхъ изгибовъ человѣка, нежели изображенію самыхъ событій. Въ передачѣ картинъ современной ему жизни, вмѣсто негодованія и жолчи, мы встрѣчаемъ объективное спокойствіе. Его единственное желаніе — видѣть свой народъ не столько славнымъ и господствующимъ, сколько свободнымъ, добродѣтельнымъ, великимъ въ своей внутренней жизни.

Языкъ у Пальмовича, не всегда гладкій и ясный, порой весьма запутанный, отличается скатостью, оригинальностью выраженія, художественностью. Какъ поэтъ, Пальмовичъ сохранить за собой надолго почетное мѣсто въ хорватско-сербской литературѣ. Сочиненія его въ одномъ томикѣ изданы по смерти извѣстнымъ дѣятелемъ и другомъ поэта — Фольнеговичемъ.

Къ лучшимъ его произведеніямъ, кромѣ баллады „Бальша“, относятся еще: элегія «Bosanski korabljar» (боснійскій корабельщикъ) и воинственная пѣснь (davorija) «Konju Mrkodinu» (къ коню Меркодину), переводъ которыхъ мы представимъ во второмъ выпускѣ нашего «Баяна».

Бальша, зетскій ¹⁾ господарь.

Jer tko će glas prot rajskom glasu smoci,
Ko maginje tko crne podniet oči?

«Проклятье Зетѣ! Пусть она скорѣе
Разверзнется и въ ней погибнемъ—и
Иль Бальша тотъ, что, гордый духъ тая,
Предъ Лазаремъ кичится неблѣднѣя!..»

¹⁾ Зета—древнее названіе Черногоріи.

Три царскихъ войска, три стоятъ въ позорѣ,
И ни одно врага не пошатнеть!
Но ждешь тебя, царь Лазарь, втрое горе,
Когда на тронъ побѣдно онъ взойдетъ!
Такъ царь сказалъ и въ тайномъ ожиданьи
На дочь-красу наводитъ взоръ въ молчаньи.

* * *

«Отецъ, отецъ», та молвить: «дай мнѣ слово!
Въ своихъ мечтахъ забылся ты совсѣмъ!
Ты сердился? не думаешь-ли тѣмъ
Меня страшить? Оставь глѣдѣть сурово!
Великій домъ ¹⁾ прервался, и Душана
Твой лютой врагъ желаетъ воскресить.
Родитель мой, скажу я безъ обмана.
Что не легко богатыря сразить:
Но все-жъ, хоть онъ и опытный воитель,
Шли новыхъ силъ, и Лазарь—побѣдитель.

* * *

Есть у меня двѣ черныхъ книги. Сила
Ихъ—мощная: кто слово лишь прочтетъ,
Въ очахъ того мѣръ новый расцвѣтетъ,
Иную пѣснь тому навѣтъ вила.
Я въ первый бой къ врагу явлюся съ ними.
Открывъ на мигъ, закрою тотъ-же часъ.
Тогда—впередъ, и чарами моими
Онъ—побѣжденъ и не уйдетъ отъ насъ.
Вземли, отецъ! Такъ дочь тебѣ сказала...
Не возражай иль власть твоя пропала!

* * *

Скорѣй сзывай всѣхъ витязей блестящихъ
И задавай на славу пиръ горой.
Зови къ себѣ и Бальшу: пусть герой
И царь пьютъ миръ подъ говоръ чашъ звенящихъ!
Всѣмъ дай почетъ, но Бальшѣ—вдвое чести:
Къ нему пойду навстрѣчу я сама,
Чтобъ показать, что милъ онъ мнѣ безъ лести,
И будетъ онъ, конечно, безъ ума,

¹⁾ Домъ Неманичей.

А за столомъ сажай на мѣстѣ красномъ,
И станеть онъ покорнымъ и безгласнымъ».

* * *

«О, дочь моя, какъ камень подъ напоромъ
Морской волны не можетъ улежать,—
Такъ я тебѣ не въ силахъ отказать;
Надежда вновь блеснула передъ взоромъ!»
И пишетъ царь съ царевною пославья,
Украшилъ ихъ, но больше всѣхъ одно,—
Дышало все въ немъ нѣгой обаянья
И было все изяществомъ полно.
Назначенъ день Георгія для пира,—
Счастливый день спасительнаго мира.

* * *

Вотъ, наконецъ, расцвѣлъ онъ, долго жданный,
И вьется пылъ отъ скачущихъ коней...
Одинъ... другой... Послѣднимъ изъ гостей.
Какъ солнца лучъ, блеснулъ герой желанный.
Сойдя съ коня, почетомъ окруженный,
Идетъ... и вдругъ—царевна передъ нимъ.
Онъ онѣмѣлъ, красою обожженный,
Потупилъ взоръ предъ божествомъ такимъ.
Кто-бъ устоялъ,—заслыша звуки рая,
Не обомлѣлъ,—волшебный взглядъ встрѣчая!

* * *

Въ разгарѣ пиръ. Дотошъ молчаливый
Всталъ Бальша вдругъ, наполнивъ свой бокалъ
(Предъ Лазаремъ волнение ощущалъ
Впервые онъ, когда-то горделивый):
«Ударъ мечей иль нашихъ рукъ—иное
Меня съ тобой не можетъ примирить!
Согласенъ ты?—забудется былое
И я, какъ рабъ, готовъ тебѣ служить...»
Въ восторгѣ царь... На лицахъ—умиленье...
«Не рабъ, а зять!.. Вотъ—дочь и примиренье».

В. Народныя славянскія пѣсни.

I.

Пѣсни боснійскихъ мухамеданъ.

Считаю необходимымъ предпослать переводу названныхъ пѣсень небольшое пояснительное вступленіе.

Славянъ—мухамеданъ на Балканскомъ полуостровѣ счисляется около милліона. Они распадаются на двѣ группы: восточную (это—болгарскіе помаки въ Родопахъ) и западную, которую составляютъ хорватско-сербскіе босняки въ Боснии и Герцеговинѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе отличаются довольно рѣзко и отъ своихъ единокровныхъ братьевъ-христіанъ, и отъ единовѣрцевъ-турокъ. Жаль только, что до самыхъ послѣднихъ дней образъ ихъ жизни почти никѣмъ не наблюдался и отсюда остается открытымъ важный вопросъ, какъ провести историческую параллель между ними, славянами-христіанами и османліями (азиатскими турками). Надо сознаться, къ нашему стыду, что въ литературѣ нѣтъ почти ни одного точнаго свѣдѣнія о ихъ народной поэзіи. Прошло уже болѣе двадцати лѣтъ съ перваго появленія помацкихъ народныхъ пѣсень¹⁾; филологи заговорили о нихъ, но вотъ политическія событія вовлекаютъ наши отряды въ самую глубь малоизвѣстной страны. Горизонтъ сталъ проясняться; славянская земля освобождена; но научный вопросъ не двинулся впередъ ни на шагъ.

Западная группа въ этомъ отношеніи счастливѣе (невольно припомнишь пословицу: „не бывать-бы счастью да несчастье помогло“). Съ оккупацией Боснии австрійцами, босняки должны были открыть взорамъ „гяуровъ“ свою жизнь, свою святыню. Благодаря этому, мы получили нѣсколько собраній мухамеданскихъ народныхъ пѣсень изъ Боснии и Герцеговины; но общаго сборника пока еще нѣтъ. Его начала издавать въ этомъ году „Matica Hrvatska“, и сюда между прочимъ войдетъ все, что

¹⁾ Помацкія народныя пѣсни, изданныя С. Верковичемъ, вызвали много пререканій со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ, которые считаютъ ихъ поддѣлками, —но врядъ-ли это справедливо безъ тщательной проверки ихъ подлинности.

только извѣстно изъ народнаго творчества западныхъ славянъ-мухамеданъ. Но среди болѣе образованныхъ босняковъ нашлись такіе, которые и сами взялись за изданіе своихъ поэтическихъ сокровищъ, и вотъ передъ нами большой сборникъ, выпедшій въ прошломъ году, подъ названіемъ: „Narodno blago, sakupio i izdao Mehmed beg Kapetanović Ljubušak po Bosni, Hercegovini i susjednim krajevima. U Sarajevu 1887. 8° str. 464“, представляющій первый образецъ славянской книги, изданной мухамеданиномъ. Въ немъ, главнымъ образомъ, заключаются народныя пословицы, но имѣется и нѣсколько пѣсень, изъ которыхъ двѣ мы выбрали для благосклоннаго вниманія русской публики.

Пѣсни мухамеданскія значительно отличаются отъ достаточно извѣстныхъ уже пѣсень христіанскаго населенія. Онѣ—древнѣй по происхожденію, но новѣй по формѣ, по поэтическому чувству. Въ нихъ никогда нельзя встрѣтить ненависти къ христіанамъ, которой такъ изобилуютъ христіанскія пѣсни въ обращеніи къ туркамъ. Онѣ изображаютъ намъ одну вѣрную сторону мусульманской культуры, а по внутреннему характеру, ихъ міросозерцанію, на мой взглядъ, сохранилось гораздо чище и ближе въ отношеніи къ старой славянской культурѣ, нежели у христіанъ. Консервативный духъ ислама, прежде чѣмъ принести вредъ, оказалъ несомнѣнную пользу. Было-бы крайне интересно изучить, насколько исламъ повліялъ на боснійскихъ славянъ и, въ особенности, на женщину.

Изъ пѣсень мы видимъ, какимъ уваженіемъ пользуется мать среди славянскаго населенія. Сынъ относится къ ней съ полнымъ благоговѣніемъ, все равно—добра она или зла, права или неправа. Возьмемъ, хотя-бы для примѣра, переведенную нами пѣсню: „Безумная любовь челеби Муя“. Мустай-бегъ любитъ другую, но мать не желаетъ этого и онъ вѣнчается съ немилой. Онъ обвѣнчанъ; но жгучая страсть не даетъ ему забыться; онъ не хочетъ нарушить слова, даннаго своей возлюбленной, и кончаетъ смертью, спѣвъ на прощанье съ тамбурой въ рукахъ свою лебединую пѣсню... Геройская удаля—въ крови босняковъ. Исторія помнитъ, сколько разъ они ее доказывали, и врядъ-ли безъ краски на лицѣ припомнятъ австрійцы нѣ-

которые эпизоды изъ схватки съ ними во времена оккупации. Но, именно, теперь-то, послѣ австрійскаго владычества, всё эти доблестныя качества: любовь къ родинѣ, стойкость, святость семейной жизни, уваженіе къ правдѣ, общественная нравственность—все это гибнетъ и идетъ къ близкому паденію, охваченное соблазнами разврата, неминуемаго спутника просвѣщенія.

По своей формѣ мусульманскія пѣсни тоже отличаются отъ христіанскихъ: во-первыхъ, въ нихъ попадаются турецкія и арабскія слова¹⁾, хотя, впрочемъ, въ несравненно меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ разговорной рѣчи, во-вторыхъ самая фразеологія примыкаетъ болѣе по своей свѣжести къ древнимъ памятникамъ народной поэзіи XIV и XV в., нежели въ современныхъ намъ (XIX в.) христіанскихъ пѣсняхъ, изданныхъ извѣстнымъ Вукомъ Караджичемъ, которыя выработали себѣ шаблонный языкъ и подчасъ очень надоблаютъ своими многочисленными повтореніями тѣхъ-же самыхъ фразъ. Эти повторенія въ мусульманскихъ пѣсняхъ попадаютъ сравнительно гораздо рѣже.

Въ заключеніе нахожу нужнымъ сказать, что турки-славяне до сихъ поръ еще находятся въ періодѣ устнаго эпического творчества, представителями котораго являются барды (риваси), переходящіе отъ одного богатаго бега къ другому. О ихъ существованіи никто не зналъ до прошлаго года, такъ какъ эти народныя пѣвцы никогда не заходили въ христіанскія селенія. Самый замѣчательный изъ нихъ безспорно Мехмедъ-бегъ Колакъ-Колаковичъ (см. о немъ замѣтку г. Кроатова въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. 1887 г., № 25), „юнацкія“ пѣсни котораго отличаются такой-же объективностью, такимъ-же олимпійскимъ спокойствіемъ, какъ рапсодіи знаменитыхъ греческихъ пѣвцовъ, извѣстныхъ подъ коллективнымъ именемъ Гомера. Послѣ этого барда, преемника Синанъ-агича и Бечира, нашлось еще три пѣвца, изъ которыхъ корреспондентъ газеты „День“ (1888 г. № 26) называетъ имя Ахмеда Чаушевичъ-Бехиловича. Словомъ, устная эпическая поэзія боснійскихъ мухамеданъ

¹⁾ Замѣчательно, что у мусульманъ исчезли всё старинныя славянскія имена, исключая женскаго—Злата, или Златка, которое своей красотой, очевидно, побѣдило религіозный фанатизмъ дервишей.

далеко еще не отошла въ область исторіи и составляетъ одинъ изъ животрепещущихъ вопросовъ, стоящихъ на очереди...

Вотъ главная причина, почему я рѣшился представить на разсмотрѣніе просвѣщеннаго читателя двѣ характерныхъ пѣсни, изъ славяно-мусульманской поэзіи.

I.

Безумная любовь челебіи¹⁾ Муя²⁾.

Полюбилась Муя во махалѣ³⁾
Злата, дочка Любовича-бега⁴⁾,
Полюбилась, только мать серчаетъ—
Прочить сыну травянку⁵⁾-невѣсту,
Дочь-красу Османа-алайбега⁶⁾.
Муя золь и поглядѣть не хочетъ;
Мать стоитъ за травянку—невѣсту,
Вызываетъ не сироявщи Муя,
Перстень шлетъ, а сыну ни полслова,
Засылаетъ и сватовъ съ цвѣтами...
И не вѣдалъ Муя о напасти,
И пошолъ ко Златѣ подъ пенджеръ⁷⁾,
Три разѣ—три дня бывалъ у милой.

Возвратились и сваты съ цвѣтами,
Привели и травянку-невѣсту,
Дочь-красу Османа-алайбега.
Муя пѣтъ, и некому невѣсту
Во дворѣ свести съ коня лихого.
Причитая вопить мать-старуха:

¹⁾ Челебіи—баринъ, господинъ.

²⁾ Муя, или Мустай—турецкое имя, сокращенное имени—Мустафа.

³⁾ Махала—часть города или деревни, почти то-же, что улица.

⁴⁾ Бегъ—санъ высшаго дворянства.

⁵⁾ Травянка—жителища города Травника (въ Босніи), славящагося своими красавицами.

⁶⁾ Алайбегъ—военный турецкій чинъ, соответствующій нашему полковнику.

⁷⁾ Пенджеръ—окно, по-турецки. По мусульманскому обычаю, молодде, если не препятствовала мать невѣсты, могли видѣться подъ пенджеромъ. Ихъ разъединяла деревянная рѣшетка, закрывающая наши стекла, сѣвозъ которую, однако, можно было просунуть руку. У славянъ—христіанъ въ этомъ отношеніи несравненно больше свободы.

«Ой-же лихо! Мчитесь къ Мую, други,
Вы идите къ Златѣ подь пенджеры,
Тамъ найдете сына дорогого
И скажите челебіи Мую:
—Гайда, Муйо, аль оглохъ—не чуешь!
Мать зоветъ; ждетъ травнянка-невѣста,
На конѣ у дома поджидаетъ,
Чтобы сваялъ женихъ со славой, съ честью».

И помчались други Мустай-бега,
Подбѣжали подь пенджеры Злата
И сказали челебіи Мую:
«Гайда, Муйо, аль оглохъ—не чуешь!
Мать зоветъ; ждетъ травнянка—невѣста,
На конѣ у дома поджидаетъ,
Чтобы сваялъ женихъ со славой съ честью».

Не идетъ, и молвить кротко Злата:
«Не противься, жизнью заклиная!
Вѣдь не скажетъ мать твоя родная,
Не повѣритъ, что идти не хочешь,
Скажетъ:—Злата не пускаетъ Мую».
И пошолъ онъ въ бѣлый дворъ отцовскій;
Онъ пошолъ да скоро возвратился,
Снялъ кольцо и яблоко ¹⁾ ей подалъ:
«Вотъ тебѣ, мои ты очи, Злата,
Для тебя я спряталъ, заготовилъ,
Ожидаль—настанетъ обрученье...
Суждено ²⁾, знать, не было отъ Бога!»
И пошолъ; зоветъ обратно Злата,
Зазываетъ, бѣль-платокъ вручаетъ;
На платкѣ навлинъ узоромъ вышить,
Держить въ клювъ ядково ³⁾ сѣмя,
То, что Мую сердце отравило.
«Вотъ тебѣ, мой милый, ненаглядный!
Для тебя платочекъ хоронила,
При кольцѣ отдать гадала думку...
Суждено, знать, не было отъ Бога,—

¹⁾ Яблоко дается всегда у южно-славянъ при обрученіи.

²⁾ Въ этомъ словѣ высказывается мухамеданскій фатализмъ.

³⁾ Ядика—растение, служащее символомъ печали, какъ у насъ, напримѣръ, береза или ива.

Суждено той травнянкѣ-невѣстѣ!»
И пошолъ, да возвратился къ милой,
Золотыя бѣзенлуки ¹⁾ подалъ:
«Вотъ тебѣ, мой свѣтликъ, ясна-зорька!
Для тебя припряталъ я любовно,
Чтобъ отдать, какъ утро насъ разбудить...
Суждено, знать, не было отъ Бога!»
И пошолъ, да кличетъ снова Злата,
Раскрываетъ свадебное платье:
«Для тебя—подарокъ мой завѣтный!
Съ первымъ утромъ на тебя-бъ надѣла ²⁾...
Суждено, знать, не было отъ Бога,—
Суждено той травнянкѣ-невѣстѣ!»

И пошолъ онъ въ бѣлый дворъ отцовскій;
Но давно съ коня невѣсту сняли.
Свечерѣло. Отчитали яцій ³⁾.
Не идетъ въ опочивальню Муйо,
Тучей бродить, матери не слышитъ.
Тутъ она открыла грудь рукою,
Таковы слова ему сказала:
«Я вскормила, я и проклиная,
Что ослушникъ сталъ, невѣсту кинуть».
Затужилъ, поникъ главою Муйо,
Убоился грознаго проклятья
И вошолъ въ опочивальню тихо,
Молча сѣлъ на мягкія подушки;
Молодая—на сундукъ съ приданымъ.
Говорить ей челебіи Муйо:
«Заклинаю, травнянка-невѣста,
Подыми густое покрывало,
Дай взглянуть, съ лица какою будешь».
Подымаетъ покрывало тихо,—
Жаркимъ солнцемъ личико горѣло;
Лебедь-шея мѣсяцемъ сіяла.
Говорить ей челебіи Муйо:

¹⁾ Бѣзенлуки—по турецки значить—браслеты.

²⁾ Турецкій обычай.

³⁾ Вечерняя молитва у турокъ.

«Ей-же Богу, травянка-невѣста,
 Что пригоже ты и краше Златы,
 Только сердцу ты милѣй не будешь,
 Не замѣнишь неважной Златы».
 Говоритъ тутъ травянка-невѣста:
 «Ей-же Богу, Муѣо, господинъ мой,
 Ты пригожь, тебѣ уступитъ Ахмо¹⁾,
 Но милѣй онъ сердцу, неважный,
 Ахмедъ-бегъ, души моей отрада.
 Далъ онъ мнѣ кольцо свое златое,
 Наказалъ ждать годъ его, небогъ;
 Но не годъ и девять лѣтъ ждала-бы,
 Да судьба съ тобою обручила».
 Отвѣчаетъ челебія Муѣо:
 «Не тужи ты, травянка-невѣста,—
 Ты найдешь—полюбишь Ахмедъ-бега;
 Только мнѣ не знать голубки, Златы!»
 И беретъ онъ звонкую тамбуру²⁾.
 Ударяетъ, громко запѣваетъ:
 «Охъ, скорбитъ голубка, ясны-очи,
 Дума черная свѣдаетъ Злату,
 Что-де снялъ съ невѣсты покрывало.
 Ей-же Богу, не снималъ, не видѣлъ!
 Ты не думай, дорогой мой свѣтикъ,
 Что цѣлую травянку-невѣсту:
 Клятву далъ, и цѣловать не стану!»
 Отложилъ онъ звонкую тамбуру,
 Такъ промолвилъ травянкѣ-невѣстѣ:
 «Ты дверей не отмыкай съ зарею,
 Жди, покуда солнце засветитъ,—
 Пусть старуха насладится счастьемъ,
 Братья-друзи—пѣсенъ напоятся,
 Вдоволь пусть напляшутся сестрицы!
 Ты привѣтствуй мать мою родную,
 Накажи звать молодцевъ удалыхъ,
 Нестъ меня-то—ходжамъ³⁾ и хаджіямъ⁴⁾;

¹⁾ Ахмо—турецкое имя, сокращенное имени—Ахмедъ.

²⁾ Тамбура—родъ балайки, національный инструментъ у хорватовъ и босняковъ.

³⁾ Ходжа—мусульманскій священникъ.

⁴⁾ Хаджія—человѣкъ, бывшій въ Меккѣ у гроба Мухамеда.

Пусть омоютъ розовой водою,
 Черный усъ намажутъ чаба-ягой¹⁾;
 Волоса пускай висятъ въ три пряди²⁾,
 Такъ, бывало, Злата ихъ чесала,
 Ихъ взрастила, ой-же горе, горе³⁾,
 А покрыть меня платкомъ съ узоромъ—
 Тѣмъ, что Злата мнѣ дала на память.
 Вышивала цѣлые три года,
 Чтобъ носилъ себѣ и ей на радость;
 Пронosite мимо дома Златы:
 Пусть увидитъ и надежду кинетъ
 Снова съ Муемъ встрѣтиться—слюбитъ
 Гой ты, Злата! мой ударъ—смертельный,—
 Я умру, и нѣту мнѣ спасенья».
 Такъ сказала и вынулъ ножъ, и въ сердце,
 Прямо въ сердце, гдѣ душа, ударилъ.
 Умеръ Муѣо, ой-же горе, горе!

Только съ утромъ бѣлый свѣтъ разлился.
 Мать идетъ, стучитъ желѣзной алькой⁴⁾,
 И стучитъ и Муя громко кличетъ:
 «Отпирай-ка, челебія Муѣо:
 То, что любишь, можетъ опостылитъ,
 Что постыло—можетъ полюбится.
 Опостылила зазноба—Злата,
 Полюбилась травянка-невѣста.
 Отпираетъ травянка-невѣста.
 Быстро мать въ опочивальню входитъ,
 Прямо въ кровь ногой она вступаетъ.
 Говоритъ ей травянка-невѣста:
 «Вотъ тебѣ отъ Бога наказанье,
 Что со Златой Муѣо разлучила,
 И земля твой грѣшный прахъ изринетъ.»

¹⁾ Священная мазь изъ Мекки.

²⁾ Турки брѣютъ себѣ голову, оставляя посрединѣ длинную прядь.

³⁾ Въ оригиналѣ стоитъ: «žalostna mi (joj) šajka», т. е. «пустя горюсть его (ей) мать!» Мать, какъ извѣстно, пользуется у славянъ большимъ авторитетомъ, и жалость вызываетъ не пострадавшій, а его мать. Приведенная фраза вошла у западныхъ славянъ въ поговорку. Мы нашли болѣе удобнѣе пере-вести ее черезъ «ой-же горе, горе!»

⁴⁾ Алька—молотокъ у дверей, замѣняющій наши звонки.

И проклятье бѣлый свѣтъ наложить.
 Вотъ тебѣ привѣтъ отъ Мустай-бега!¹⁾
 Все сказала, что велѣлъ ей Муя.
 Та отъ страху еле понимаетъ.
 Призываетъ ходжей и хаджиевъ.
 Собираетъ молодецъ удалихъ
 Наряжать-отъ челебія Муя,
 Обливать-отъ розовой водою.
 Чорный усь-отъ мазать чаба-ягой.
 Волоса-то распускать въ три пряди.
 Ой-же лихо, распускать въ три пряди.
 Покрывать платочкомъ тѣмъ завѣтнымъ.
 Гдѣ узоры вышивала Злата.
 Понесли и ходжи и хаджи,
 Повесли-отъ челебія Муя:
 Впереди идетъ все млада да холоста,
 А за ними остальные турки¹⁾.
 Поравнялись, поднесли къ пенджерамъ.
 Увидала златина невѣстка,
 Увидала и золовку кличетъ:
 «Гой ты, Злата, выходи, бѣдняжка!
 Не хотѣлъ, знать, Муя спать съ неміой,—
 Обручился онъ съ другой невѣстой.
 Съ тою чорной съ мать—сырой землею».
 Прибѣжала Злата, свѣтъ дѣвица,
 Увидала бега Мустай-бега,
 Увидала ходжей и хаджиевъ,
 Волоса распушенные видятъ.
 Что возрастила, холила, бывало.
 Страшнымъ крикомъ закричала Злата
 И упала на своемъ чардѣкѣ²⁾.
 И не знаетъ мать, что лихо съ дочкой,
 Что съ душой навѣкъ она простилась.
 Какъ слышала, взрыдала горько:
 «Гой вы, ходжи и хаджи, стойте!

¹⁾ Славяне, исповѣдующе исламъ, всегда называютъ себя «турками», а настоящихъ турокъ—«османлими».

²⁾ Турецкое слово, означающее родъ небольшой галлерей (конечно, неза-
 стекленной) съ крыльцомъ. Бывавшіе въ Малороссіи, безъ сомнѣнія, знакомы
 съ такими постройками.

Гой идите, булы¹⁾ и кадуны,²⁾
 Снаряжать въ дороженьку невѣсту!³⁾
 Ждутъ-пождутъ и ходжи и хаджи;
 Собралися булы и кадуны,
 Снарядили Злату молодую.
 Понесли и вѣтку юргована⁴⁾.
 А за вѣткой,—челебію Муя,
 А за Муемъ—Злату молодую.
 Имъ рядкомъ могилы вырываютъ,
 Какъ на свадьбѣ—руки имъ сложили:
 Держать руки яблоко живое
 (Какъ проснутся, можетъ, поиграютъ).

Только утро въ небѣ засіяло.
 Двѣ кукушки встрепенулись въ гнѣздахъ.
 Двѣ родныя матери проснулись,
 Поспѣшаютъ къ свѣженькой могилкѣ.
 Какъ пришли-то, диву дивовалися:
 Видятъ—роза, алая по цвѣту,
 Распустилась на могилѣ Златы,
 А у Муя—виноградъ курчавый;
 Между ними—терніе густое
 Разлучаетъ съ виноградомъ розу,
 Разлучаетъ—разлучить не можетъ:
 Обвился онъ крѣпко подлѣ розы.
 Точно плющъ вокругъ вѣтвей зеленыхъ.
 Осерчала мать на Злату съ Муемъ,
 Вырываетъ розу съ виноградомъ,
 А изъ гроба чуется страшный голосъ:
 «Издыхай, разлучница, отъ злости!
 Насъ вчера любовь соединила,
 Лишь открылись намъ врата дженета⁴⁾».

¹⁾ Простая женщина у турокъ.

²⁾ Турецкая барыня, жена бега.

³⁾ Юргованъ (jorgovan)—сирень.

⁴⁾ Мусульманскій рай.

II.

Несуженая Копчичь-алайбега.

Полюбилась бегу Мустай-бегу.
 Полюбилась красная дѣвица —
 Та сестрица Аяновичь-Ибра ¹⁾
 Ходить съ нею отъ утра до полдня.
 Дать кольцо и назначаетъ свадьбу —
 Какъ чрезъ двѣ недѣли да на третью.
 Какъ сошьетъ ей дибу ²⁾ и кадифу ³⁾,
 Какъ скуетъ ей перстни золотые.
 И пошолъ онъ въ бѣлый дворъ отцовскій.
 Мустай-бегу молвить мать родная:
 «Гой сыночекъ, беже ⁴⁾ Мустай-беже,
 Гдѣ ты былъ, гдѣ пропадалъ, родимый?»
 Мустай-бегъ ей кротко отвѣчаетъ:
 «Ахъ, кадуна, мать моя родная!
 Былъ все время у моей у милой,
 У сестрицы Аяновичь-Ибра,
 Дать кольцо и свадьбу я назначилъ —
 Какъ чрезъ двѣ недѣли да на третью;
 Какъ сошью ей дибу и кадифу,
 Какъ скую ей перстни золотые».
 Какъ узнала мать рѣшенье сына,
 Свой турецкій абдэсть ⁵⁾ совершила,
 Два раза читала хаджетъ-речять ⁶⁾,
 Таковы слова сказала Мую:
 «Чтобъ ты сгинулъ! ⁷⁾ Богъ тебя накажетъ!»

¹⁾ Ибро — уменьшительное имени Ибрагимъ.

²⁾ Шолковая матерія.

³⁾ Бархатъ съ золотомъ.

⁴⁾ Мы рѣшились сохранить ту-же форму знаительнаго падежа, что и въ подлинникѣ, которая въ данномъ случаѣ совершенно въ духѣ нашего языка (ср. Богъ—Боже).

⁵⁾ У турокъ священный обрядъ омовенія передъ молитвой, въ особенно торжественныхъ случаяхъ.

⁶⁾ Мусульманская молитва.

⁷⁾ «Ne bilo te majci» — принадлежить къ такимъ-же поговоркамъ, какъ и «Žalostna mi majka» и «vesela joj majka», выражающихъ материнскій авторитетъ. Буквальный переводъ: *чтобы ты не существовалъ для матери!*

Что тебѣ въ той Фатии ¹⁾, невѣстѣ,
 Въ мерзкой твари, въ той сестренкѣ Ибра?
 Коль берешь дѣвчонку эту въ жоны, —
 Я вскормила, я и проклиная!
 Разболѣлась голова у Муи,
 Разболѣлось ввечеру и сердце,
 Опустился въ мягкія подушки,
 Ровно девять лѣтъ болѣлъ въ нихъ Мую.

Какъ десятое настало лѣто,
 Вопросаетъ — пишетъ мать Фатимы,
 То письмо шлетъ бегу Мустай-бегу,
 Говорить въ письмѣ такія рѣчи:
 «О, мой зятю, беже Мустай-беже,
 Собирай сватовъ, иди къ невѣстѣ!
 Еслибъ Фата родилась въ ту пору,
 Какъ ты далъ съ руки своей золотъ-перстень, —
 Все-то нынче было-бъ время — замужъ.
 Копчичь-алайбегъ желаетъ Фату.
 Аль бери, аль откажись навѣки:
 Жаль бѣдняжку — въ дѣвкахъ засидѣлась».
 Мустай-бегъ письмо то изучаетъ ²⁾,
 Изучаетъ — слезы проливаетъ;
 Все письмо слезами омочилось;
 Прочитавши, пуще разрыдался,
 Просить дивить ³⁾ для письма и калемъ ⁴⁾,
 Приказаль дать хартию ⁵⁾ бѣлѣе,
 Въ ней немедля начерталь посланье.
 Въ томъ посланьи такъ снѣ отвѣчаетъ:
 «Гой ты, теща, ты хоть не родная,
 Но люблю тебя, какъ мать родную!
 Ровно девять лѣтъ лежу я боленъ,
 Ровно девять — хворость одолѣла...
 Фату выдай Копчичь-алайбегу;
 Я за то серчать уже не стану».

¹⁾ Фатія то-же, что и Фатима, или Фата.

²⁾ Турецкое письмо очень трудно для чтенія и, поэтому, въ письмѣ говорится: «knjigu uci» (изучаетъ письмо).

³⁾ Чернила.

⁴⁾ Перо.

⁵⁾ Бумага.

Мать старуха молча прочитала,
Прочитавши отдала Фатимѣ;
А голубка, красная дѣвица,
Воздохнула, слезы утираетъ,
Тихо молвить матери старухѣ:
«О, кадуна, мать моя родная!
Откажи ты Копчичь-алайбегу,—
Буду ждать я бега Мустай-бега,
Ровно девать лѣтъ еще прожду я».
Но старуха мать не хочетъ болѣ,
Отдаетъ красавицу Фатиму,
Отдаетъ—не спрашиваетъ Фату,
Приглашаетъ Копчичь-алайбега:
«Собирай сватовъ, иди къ невѣстѣ!»
Слухъ дошолъ до бега Мустай-бега.
Гусейна, слугу онъ громко кличетъ:
«Ты иди—иди, мой Гусейнъ вѣрный,
Ты иди на новую чаршію ¹⁾,
Тамъ, смотри, купи мнѣ бурунджуку ²⁾.
Обтяни имъ домъ мой въ знакъ печали:
Какъ пройдетъ здѣсь милая голубка,
Домъ печальный пусть она увидитъ;
Пусть узнаетъ, что грущу я, плачу,
Что свой домъ печалью разукрасилъ».
У молодшихъ нѣту ослушанья...
Онъ пошолъ на новую чаршію,
И купилъ для Муя бурунджуку,
Обтянулъ имъ домъ, какъ приказали,
И не много—мало дней умчалось,
Какъ сваты веселые явились;
Передъ ними—Копчичь разодѣтый;
Рядомъ съ нимъ—нарядная невѣста,
А за ними—гости дорогие.
Женишокъ гарцуетъ среди поля;
На конѣ невѣстунка гарцуетъ,
Доскакала до своей золовки.
«Гой, подруженька, сестра по Богу,

¹⁾ Чаршія—площадь, на которой устроены лавки съ разнаго рода товарами. Нѣчто въ родѣ нашего гостиннаго двора.

²⁾ Бурунджукъ—темная шелковая матерія, служащая трауромъ.

Ты скажи мнѣ, чей то дворъ печальный,
Отчего кручинится хозяйнѣ?»
А золовка отвѣчаетъ Фатѣ:
«Этотъ дворъ—несуженаго Муя,
Твоего-же бега Мустай-бега;
О тебѣ кручинится болѣзньный».
Отвѣчаетъ тихо ей невѣста:
«Гой, подруженька, сестра по Богу,
Попроси ты Копчичь-алайбега,
Не могу-ли завернуть я къ Мую:
Бѣлымъ шолкомъ мой сундукъ наполненъ;
Мелкій бисеръ чудно шею обвилъ—
Шолкъ и бисеръ аманэтъ ¹⁾ отъ Муя...
Я пойду—спрошу, что дѣлать съ ними».
Позволяетъ—разрѣшаетъ Копчичь,
Позволяя говорить онъ Фатѣ:
«Уходи, не оставайся долго».

Черезъ дворъ несуженая Фата,
Черезъ дворъ идетъ—проходить скоро—
Прямо къ Мую. Тихо каплютъ слезы
Съ алыхъ щочекъ да на щоки Муя.
Пробудился Мустай-бегъ отъ влаги
Пробудившись молвить въ полудремѣ:
«Мэдэтъ-аллахъ ²⁾! Слава, вышній Боже!
Было вѣдро; снова тучи гонить...
Тихій дождикъ, чую, съ неба льется...
И сваты веселые промокнуть,
И несуженая Фата смокнетъ,
Смокнетъ сердце—милая голубка».
Мать родная говорила Мую:
«Экъ понесъ ты, беже Мустай-беже!
И понинѣ остается вѣдро;
То не дождь не во-время изъ тучи:
То тебя несчастная голубка—
То она слезами оросила».

¹⁾ Давать невѣстѣ, послѣ сговора, подарокъ (аманэтъ) лежитъ на обяванности жениха въ воспоминанье стараго обычая, по которому невѣсту приходилось покупать за деньги.

²⁾ Medet—allah!—хвала Богу!

Какъ услышалъ—понялъ бегъ, въ чомъ дѣло,
 Встрепенулся, на подушки сѣлъ онъ.
 А старуха, только увидала,
 Свой турецкій абдэсть совершила
 И проклятье сыну посылаетъ:
 «Пропади ты! О, услыши Боже!
 Девять лѣтъ лежишь ты дни и ночи;
 За тобой не я-ли все ходила?!
 Ты не могъ и головою двинуть,
 А пришла несуженая Фата,
 Ты сейчасъ-же приткимвъ сталь, какъ прежде».
 Мустай-бегъ такъ говорить старухѣ:
 «О, кадуна, мать моя родная!
 Принеси-ка ты алмазны-перстни,
 Чтобъ надѣла дорогая Фата,
 Чтобъ я видѣлъ, какъ они пристали».
 Принесли ему алмазны-перстни;
 Ихъ надѣла дорогая Фата,
 Протянула руку на подушку.
 Мустай-бегъ такъ говорить Фатимѣ:
 «Идутъ перстни, ненаглядный свѣтикъ,
 Идутъ пуще къ выкрашенной ¹⁾ ручкѣ».
 Хочетъ Фата снять алмазны—перстни;
 Мустай-бегъ ей говорить на это:
 «Не снимай ихъ, дорогая Фата,
 Для тебя купилъ, тебѣ ихъ прочилъ.
 Въ домѣ Копчича носи ихъ, сердце».
 Мустай-бегъ опять сказалъ старухѣ:
 «О, кадуна, мать моя родная!
 Принеси-ка скроенную дибу,
 Чтобъ надѣла дорогая Фата,
 Чтобъ я видѣлъ, какъ она пристала».
 Та приносить скроенную дибу;
 Надѣваетъ свѣтъ-дѣвица, Фата.
 Оборачиваясь вправо—влѣво.
 Мустай-бега спрашиваетъ Фата:

¹⁾ По турецкому обычаю, въ день передъ свадьбой невеста раскрашиваетъ
 себѣ ногти краской «кпа» (темно-краснаго цвѣта). Существуетъ повѣрье, будто
 она сохраняетъ на всю жизнь отъ всякихъ болезней.

«Хороша-ль мнѣ скроенная дибя?»
 Мустай-бегъ ей говорить на это:
 «Хороша, клянусь тебѣ, голубка,
 Грудь, плечи—все пригоже, лучше,
 Какъ надѣла скроенную дибу».
 Хочетъ Фата снять съ себя ту дибу;
 Мустай-бегъ ей говорить на это:
 «Не снимай ты, дорогая Фата,
 Для тебя кроилъ, тебѣ я прочилъ;
 Въ домѣ Копчича носи, голубка».
 Говорить тутъ молодая Фата:
 «Дорогой мой, беже Мустай-беже,
 Ой пришла я не на вечеринку,
 А пришла я спросить—извѣдать...
 Бѣлымъ шолкомъ мой сундукъ наполненъ;
 Мелкій бисеръ чудно шею обвилъ,—
 Шолкъ и бисеръ—аманэть твой, милый...
 Аль платить мнѣ, али ты подарить?»
 Мустай-бегъ такъ отвѣчаетъ Фатѣ:
 «На здоровье шолкъ носи ты, Фата,
 На здоровье—бисеръ, дорогая!
 Въ домѣ Копчича носи ихъ, сердце»
 Говорила на прощанье Фата:
 «Будь здоровъ, мой ненаглядный Муйо!»
 И пошла обратною дорогой.

Какъ ушла—во слѣдъ несутся вопли:
 Кто кричитъ:—«Ушла навѣкъ Фатима!
 Горько плачетъ Мустай-бегъ за милой».
 А другіе:—«Отошолъ нашъ Муйо!
 Горько плачетъ мать его старуха».
 Слышитъ вопли горестная Фата,
 Услыхала, что скончался милый;
 Говорить она своей золовкѣ:
 «Ой, родная, лихо-жъ мнѣ несчастной!
 Кликни брату,—для чего гарцуетъ;
 Не могу постылаго я видѣть,
 Пуще сердцемъ не могу слюбиться.
 Лучше мнѣ мой Муйо и въ могилѣ,
 А не онъ, хоть на конѣ гарцуетъ».

Какъ дошло до Копчичъ-алайбега,—
 Взялъ пистоль, что за поясъ заткнулъ онъ,
 Убиваетъ Фатю, невѣсту.
 Умирая говорила Фата:
 «Ну, спасибо, Копчичъ-алайбеже,
 Что меня свести ты съ Муемъ хочешь
 Первой ночью въ радостномъ дженетѣ».

Имъ ридкомъ могилы вырываютъ.
 Въ руки имъ по яблоку вложили.—
 Коль проснутся, можетъ, поиграютъ.
 Не удастся имъ на этомъ свѣтѣ,—
 Хоть на томъ, быть-можетъ, поиграютъ!

II.

Пѣсни словацкія.

1.

«Долина, долина,
 Долина съ камнями,
 Вотъ вѣсть къ тебѣ въ вечеръ
 Дойдетъ со слезами!»

—Откуда, мой милый,
 И что то за вѣсти?
 Ужель измѣнилъ ты
 Желанной невѣстѣ!

«О!.. нѣтъ тебя краше!
 Боятся того-ли!
 Боюсь я разлуки,
 Боюсь своей доли!»

И вышелъ къ дверямъ онъ,
 Въ слезахъ изнывая,
 И камень извила
 Слеза, упадая.

И вышелъ къ дверямъ онъ,
 Слезу утираетъ...
 —«Пусть Богъ надъ тобою,
 Голубка, летаетъ!»

Пусть Богъ надъ тобою,
 Моя ты услада!
 Съ разлукой пусть рвется
 Всей жизни отрада!»

2.

Снилось, снилось мнѣ такъ ясно
 Этой ночью снилось,—
 Что болѣзнь съ моею милой
 Лихо приключилось;

Снилось, снилось мнѣ такъ ясно
 И слеза сбѣгала,
 И отъ слезъ горячихъ очи,
 Какъ огнемъ, сжигало...

И съ головушки скатился
 Розы цвѣтъ прекрасный...
 А любви не отдашь и-бы
 И за свѣтъ-то ясный!

Разносится, звонъ печальный,
 Разносись повсюду!...
 Нѣту милой, нѣтъ утѣхи,
 Новой знать не буду!..

III.

Пѣсни русинскія (угро-галицко-русскія).

I.

Дома тихо спитъ дѣвчина
 Въ маминой перинѣ,
 А казакъ ея желанный—
 Чуть живой въ долинѣ.
 Молодая черноброва
 Питъ отъ жару проситъ;
 А надъ бѣднымъ, надъ желаннымъ
 Воронъ злой голоситъ.
 Надъ больною надъ дѣвчиной
 Мать-старуха плачетъ;
 Надъ израненнымъ красавцемъ
 Черный воронъ кричетъ.
 «Ахъ, не кричь ты, черный воронъ,
 Надо мной тоскливо,—
 Миѣ лежать вѣдь тутъ недолго:
 Это миѣ не диво!..
 Нѣтъ, лети-ка ты скорѣе
 Подъ окно желанной
 И шепни моей ты милой,
 Гдѣ ея коханный.
 Что лежитъ онъ весь избитый,
 Ранами покрытый,
 Муравою шелковою
 Отъ людей закрытый».
 —«Какъ я съѣмъ твое все мясо
 И очей напьюся,
 Вотъ тогда къ твоей дѣвчинѣ
 Съ вѣстью понесуся»...

2.

Мать-старуха поженила
 Молодого сына,
 Привела къ себѣ невѣстку:
 «Тутъ живи, дѣвчина!»
 Сына скоро отослала
 Въ дальнюю дорогу;
 Лѣнь отыскивать средь поля
 Гонитъ чернооку:
 «Лѣнь, невѣстуха, отыщешь,—
 Жду тебя тогда я;
 Не отыщешь,—не являйся
 Безо лѣну, родная!..
 Ищеть, ищеть—не находить,
 Бродитъ сиротою,
 И становится отъ горя
 Вербой молодою.
 Мужъ сердечный приѣзжаетъ,
 Сумрачный съ дороги,
 И предъ матерью-старухой,
 Падаеть онъ въ ноги:
 «Охъ, родимая, скажи миѣ,
 Не скрывай напрасно,
 Что теперь съ моею милой,
 Съ Галей, зорькой ясной?»
 —«Что? По лѣнь пошла невѣстка,
 Не живеть со мною;
 Надъ рѣкой стоитъ надъ быстрой
 Вербой молодою».
 «Ой, возму же я сѣкиру,
 Вербу порубаю
 И въ землѣ сырой, холодной
 Галю закопаю!»
 И ударилъ онъ сѣкирой..
 Вѣтки наклонились..
 И—услышалъ только голосъ—
 Слезы покатались.

— «Что ты бьешь меня, мой милый,
 Не узналъ ты Гали?!
 Позабылъ, какъ мы съ тобою
 Ночки коротали?!
 Мать твоя всему виною,—
 Галю погубила
 И тебя со мной навѣки,
 Вѣдьма, разлучила!»

3.

Привыкайте, черны-очи, сами почевать:
 Нѣту миленькаго друга,—некого ласкать!
 Гдѣ-же миленькій мой, любимый, розовой мой цвѣтъ?
 Безъ него меня застанеть яркой зорьки свѣтъ.
 Я пошла бы, горемыка, друга выгладать,
 Да въ какой-то онъ сторонкѣ— не могу понять.
 Охъ, печаль меня терзаетъ! Гдѣ онъ, дорогой?
 Та тропинка, гдѣ ходилъ онъ, порасла травой..
 Ой пора, колосья спѣлы,—время жито жать!
 Я старѣюсь, надо, мамо, замужь отдавать!

4.

Панъ Савва.

Легенда.

Пировалъ въ гостяхъ панъ Савва,—
 Славно пировать,
 И не зналъ онъ, и не вѣдалъ,
 О бѣдѣ не зналъ!
 А когда домой прѣхалъ
 На широкій дворъ,
 «Что хорошаго?» спросилъ онъ,
 Посмотрѣвъ въ ушоръ.
 Челюдинцы:— «Слава Богу,
 Радость не ушла:
 Наша пани этой ночью
 Сына родила».

Молча сѣлъ угрюмый Савва,
 Что-то сталъ писать;
 Только сына укачали,
 Слугамъ сталъ кричать:

«Гей, вы, хлопцы, поскорѣ
 Сбѣгаты!.. вонъ корчма..
 Мнѣ горѣлки наточите,—
 За жену, эхма!»

Гей, вы, хлопцы, поскорѣ!
 Гей, вина тащить!
 За мово сынка хочу я
 Многи лѣта пить.

Гей, вы, хлопцы, поскорѣ!
 Меду мнѣ набрать!
 Что-то тяжело мнѣ и чудно,—
 Не могу понять».

Хлопцы духомъ побѣжали,
 Идутъ-же домой—
 Видятъ—къ дому подѣзжаетъ
 Парень удалой.

Съ виду онъ казакъ красивый,
 Хоть куда на взглядъ.
 Поснимали хлопцы шапки,
 Издали глядеть.

— «Добрый день!» кричитъ онъ Саввѣ:
 — «Принимай гостей!
 Угостить насъ не откажешь
 Милостью своею?»

«Угостить-то я сумѣю,
 Радъ всегда тому;
 За себя и мстить умѣю
 Я врагу своему!»

Тутъ панъ Савва до пистоля,
 Савва до меча;
 Но хватили пана Савву
 Съ праваго плеча..

3

Панъ бѣжитъ къ своей конюшнѣ...
 Конь любимый ржеть...
 Но, увь, его же челядь
 На него идетъ!

А казакъ кричитъ имъ:— «Хлопцы,
 Тамъ по-за горой
 Кости тлѣютъ все людскія...
 Панъ тому виной.

Вы его туда снесите,
 Не жалѣть пана!
 Будетъ вамъ за то наградой
 Звонкая казна!»

Хлопцы съ Саввой за горою...
 Въ горницѣ казакъ;
 Все на кобзѣ онъ играетъ...
 Экій весельчакъ!

Не боится онъ ни грому,
 Ни лихихъ людей,
 Лишь-бы пани поглядѣла
 Въ очи повѣжнѣя!..

1882—1888 гг.

АННУЛИРОВАНО

2

ЛИ
 В АННУЛИРОВАНО И

2

3

СЛАВЯНСКІЙ КНИГОПРОДАВЕЦЪ-ПОСРЕДНИКЪ

Крунославъ Юрьевичъ Геруцъ,

въ Петроградѣ. Невскій пр., д. № 88.

доставляетъ по дешевой цѣнѣ книги на русскомъ и всѣхъ прочихъ славянскихъ языкахъ и нарѣчійхъ;

доставляетъ бесплатно общіе и спеціальныя каталоги;

доставляетъ музыкальныя произведенія;

принимаетъ подписку на всѣ русскія и славянскія періодическія изданія (журналы, газеты, изданія академій, матиць, литературныхъ обществъ и т. д.).

Выписывать можно прямо или черезъ любую южно-или западно-славянскую книжную торговлю; за справками же и съ запросами просить обращаться только прямо (на любомъ изъ европейскихъ языковъ или славянскихъ нарѣчій).

ГОДОВЫЯ ЦѢНЫ

НѢКОТОРЫХЪ РУССКИХЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ЗА ГРАНИЦУ:

«Пантеонъ Литературы», ежемѣсячный журналъ	10 р.
«Русская Мысль», ежемѣсячный журналъ	14 .
«Сѣверъ», ежедневный литературно-художественный журн.	8 .
«Живописное Обозрѣніе», ежедневный иллюстр. журн.	10 .
«Нива», ежедневный иллюстр. журн.	8 .
«Русское Дѣло», ежедневная большая газета	10 .
«Лепъ», газета, выходитъ 5 разъ въ недѣлю	5 .
«Ежедневное Обозрѣніе» литературы, науки и искусства	5 .
«Вѣстия спб. слав. благ. общества», ежемѣсячный журн.	3 .
«Родникъ», ежемѣсячный журналъ для дѣтей	6 .

Полный каталогъ журналовъ и газетъ высылается бесплатно.

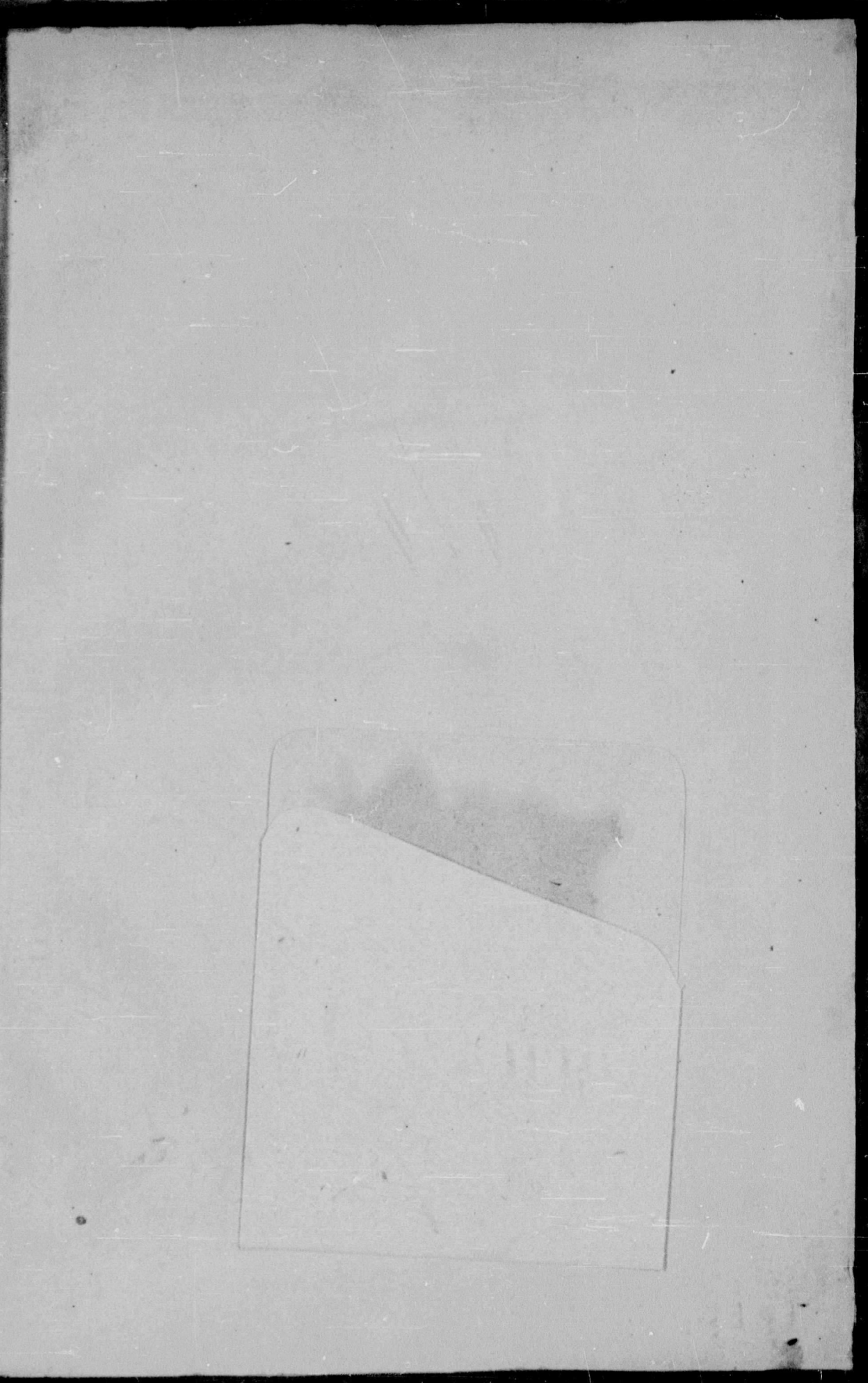
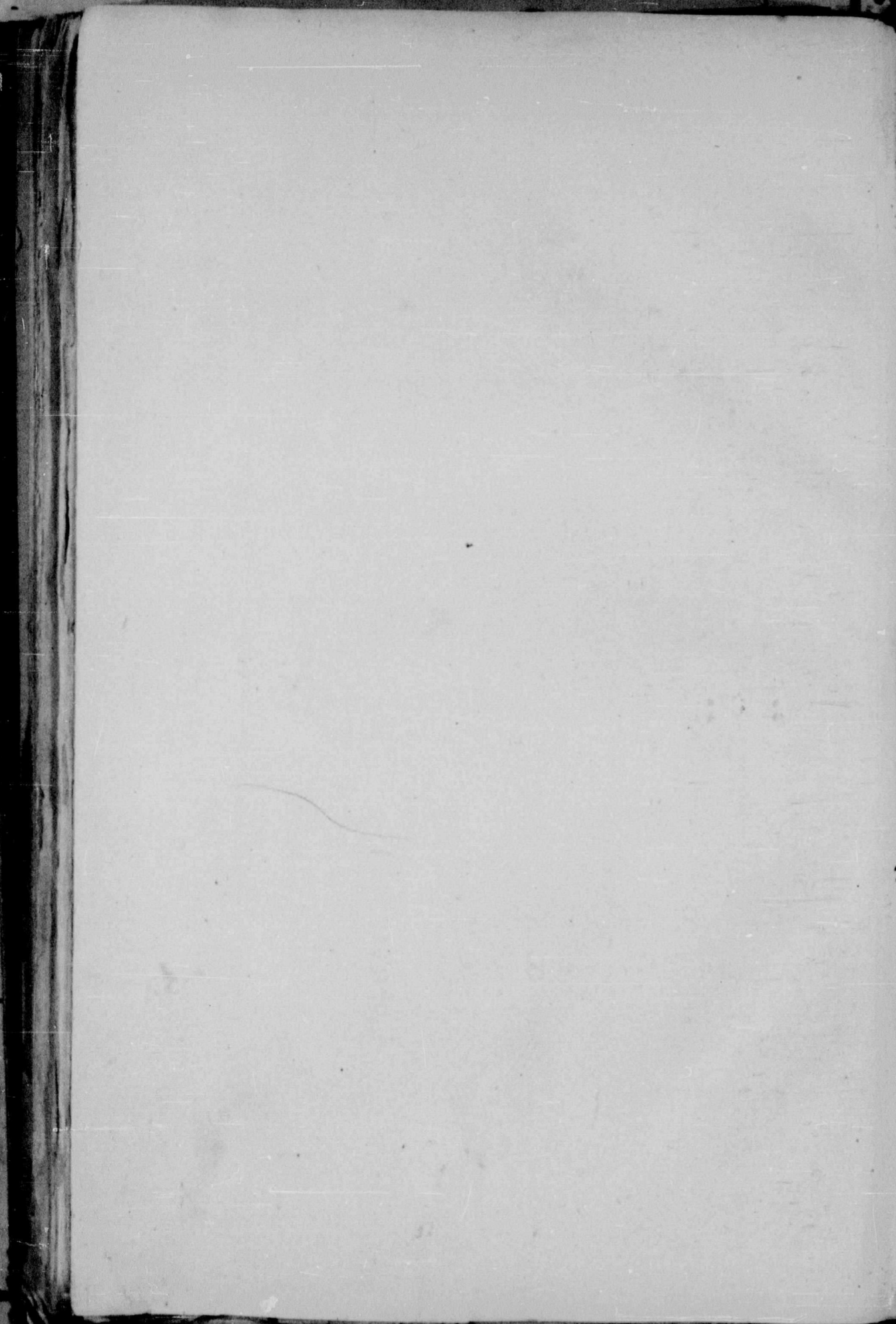
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій, 8.

3

2

2

3

2
11
UMANOV-KAPLUNDVSKIJ, V.V.
BAJAN" PER.: ---. 1. vü p.
PETROGRAD" 1888. 108 p.

/SZLAVJANSZKAJA BIBLIOTEKA.

1./

1
2

VEGE